

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БК

Жюль Верн

ШКОЛА
РОБИНЗОНОВ
ДВА ГОДА КАНИКУЛ
МАЯК НА КРАЮ
СВЕТА

«АЗБУКА»

Мир приключений. Большие книги

Жюль Верн

**Школа робинзонов. Два года
каникул. Маяк на краю света**

«Азбука»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Верн Ж. Г.

Школа робинзонов. Два года каникул. Маяк на краю света /
Ж. Г. Верн — «Азбука», — (Мир приключений. Большие книги)

ISBN 978-5-389-32918-8

Жанр робинзоны в приключенческой литературе намного старше произведения, подарившего ему название. Задолго до того, как Даниель Дефо написал «Робинзон Крузо», тему выживания на необитаемом острове поднимали многие писатели, начиная с древнеегипетского автора «Сказания о потерпевшем кораблекрушение». И конечно же, один из основоположников приключенческой литературы, великий французский писатель Жюль Габриель Верн не мог не отдать должное сюжету, позволяющему поместить героев в экстремальные условия и показать пути спасения. Самым знаменитым произведением Жюль Верна на эту тему, безусловно, стал «Таинственный остров». Но при всей своей популярности этот роман не исчерпал возможностей жанра, и Жюль Верн продолжил их развивать в других произведениях. В настоящее издание вошли три романа жюльверновской робинзоны. События «Школы робинзонов» разворачиваются в несколько водевильном ключе, на необитаемый остров попадают скучающий молодой মেসье и его наставник в искусстве танцев. Роман «Два года каникул» повествует о борьбе за выживание группы мальчишек – учеников новозеландского пансиона, которых унесло в океан на яхте, потерпевшей крушение возле одного из островков в Магеллановом проливе. Разные по возрасту и характеру, они вынуждены по-взрослому решать внутренние разногласия, противостоять и дикой природе, и нагрянувшим на остров бандитам. Там же, в Магеллановом проливе, на островке архипелага Огненная Земля происходит действие романа «Маяк на краю света». Вскоре после того, как отчалил военный корабль, доставивший на остров троих зрителей маяка, в живых остается лишь один из них...

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-32918-8

© Верн Ж. Г.

© Азбука

Содержание

Школа робинзонов	8
Глава первая,	9
Глава вторая,	16
Глава третья,	23
Глава четвертая,	30
Глава пятая,	34
Глава шестая,	41
Глава седьмая,	47
Глава восьмая,	58
Глава девятая,	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Жюль Верн
Школа робинзонов. Два года
каникул. Маяк на краю света

Jules Verne
L'ÉCOLE DES ROBINSONS
DEUX ANS DE VACANCES
LE PHARE DU BOUT DU MONDE

Перевод с французского
Ивана Аксенова, Нины Брандис, Евграфа Киселева

Иллюстрации
Леона Бенетта, Виктора Дютёртра, Жоржа Ру

© Н. М. Брандис (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жюль Верн

ШКОЛА
РОБИНЗОНОВ
♦
ДВА ГОДА КАНИКУЛ
♦
МАЯК
НА КРАЮ СВЕТА

Санкт-Петербург

Школа робинзонов

Глава первая, в которой читатель, если захочет, сможет купить по случаю остров в Тихом океане

– Продается остров, за наличные! Издержки за счет покупателя! Достанется тому, кто даст больше! – выкрикивал, не переводя дыхания, Дин Фелпорг, оценщик на аукционе, где обсуждались условия этой странной продажи.

– Продается остров! Продается остров! – еще громче подхватывал его помощник, Джинграс, расхаживая взад и вперед по битком набитому залу.

Действительно, в большом аукционном зале, в доме № 10 по улице Сакраменто, народу собралось видимо-невидимо. В этой возбужденной толпе были не только американцы из штатов Калифорния, Орегон и Юта, но и некоторые из тех французов, что составляют добрую шестую часть населения этих мест, и мексиканцы, завернутые в свои сарапы, и китайцы в халатах с широкими рукавами, в башмаках с заостренными носами, с конусообразными шляпами на голове, и канаки с островов Океании, даже несколько индейцев с острова Тринидад.

Поспешим добавить, что сцена эта происходила в Сан-Франциско, столице Калифорнии, но не в 1849–1852 годах – пору открытия золотых россыпей, привлекавших сюда золотоискателей обоих полушарий, а значительно позднее, когда он перестал уже быть караван-сараям, пристанью, где могли найти приют на одну ночь всякие авантюристы, стекавшиеся со всех концов света на золотоносные земли к западному склону Сьерра-Невады.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как на месте никому не известной Эрба-Буэны вырос этот единственный в своем роде город с его сотысячным населением, построенный на склоне двух холмов (не хватило места на морском побережье), город, затмивший Лиму, Сантьяго, Вальпараисо, а также всех соперников в Западной Америке, город, превращенный американцами в звезду Тихого океана, в «славу Западного побережья».

В день аукциона – 15 мая – было еще холодно. В этой стране, непосредственно подверженной влиянию полярных течений, первые недели мая скорее напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в аукционном зале на холод жаловаться не приходилось. Колокольчик

своим непрерывным звоном привлекал все новые и новые толпы людей, и там стояла такая жара, что на лицах присутствующих выступали крупные капли пота.

Только не подумайте, что все, толпившиеся в зале аукциона, пришли сюда с целью совершить покупку. Больше того, не будет преувеличением, что там были одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат, как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, по безумной затее правительства ставший предметом торгов? Поговаривали, что никто не даст назначенную цену, что не найдется любителя, который позволит втянуть себя в игру на повышение. Однако в этом нельзя было обвинить оценщика Фелпорга и его помощника Джинграса, которые с помощью жестов, восклицаний и неумеренных похвал пытались завлечь покупателей.

Кругом смеялись, но никто не двигался с места.

– Остров! Продается остров! – повторял Джинграс.

– Продается, но не покупается, – заметил какой-то ирландец, карман которого не был отягощен даже мелочью.

– Остров, земля которого обойдется дешевле шести долларов за акр! – выкрикивал оценщик Дин Фелпорг.

– Но который не принесет и цента на доллар, – возразил толстый фермер, как видно большой знаток сельского хозяйства.

– Остров не менее шестидесяти четырех миль в окружности, а площадью в двести двадцать пять тысяч акров!

– Достаточно ли устойчиво его основание? – спросил мексиканец, старый завсегдатай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

– Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками, – не унимался оценщик.

– С гарантией? – спросил какой-то француз, видно не очень склонный поддаться на приманку.

– Вот именно, с гарантией, – ответил Фелпорг, слишком привыкший к своей профессии, чтобы обращать внимание на насмешки публики.

– На два года?

– До конца дней.

– И даже больше?

– Остров в полную собственность! – выкрикивал аукционист. – Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся...

– И пляж? – спросил какой-то весельчак.

– И нет насекомых? – задал вопрос другой.

– Предлагаем остров! – снова завелся Дин Фелпорг. – Ну-ка, граждане! Давайте, раскошелитесь! Кто хочет получить во владение остров? Остров в прекрасном состоянии, почти не бывший в употреблении! Кому остров? Остров в Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Всего лишь миллион сто тысяч долларов!.. Кто покупает?.. Кто хочет сказать свое слово?.. Это вы, сударь?.. Или вы?.. Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин?.. Предлагаю остров!.. Есть остров!.. Кому остров?

– Позвольте взглянуть! – крикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или о китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот, но никто не прибавил и полдоллара сверх назначенной цены.

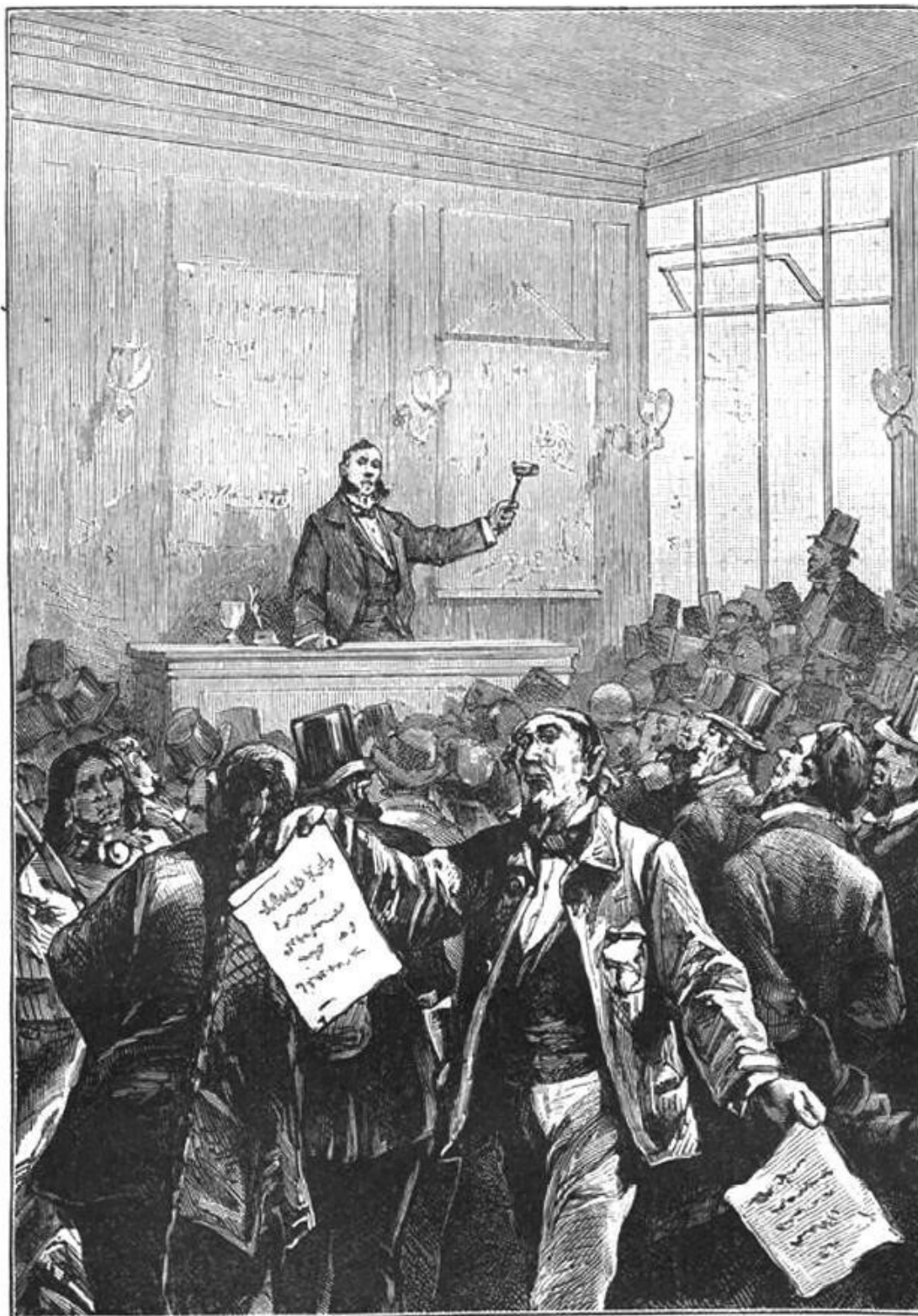
Однако, если невозможно было взглянуть на самый остров, то план его был вывешен для всеобщего обозрения. Продавался не кот в мешке. Любители могли увидеть, что представляет собой этот идущий с молотка кусок земли. Никаких неожиданностей, никакого разочарования опасаться не следовало. Географические очертания, местоположение, рельеф, водную систему, климат, средства сообщения – все это легко было выяснить заранее. Можете мне поверить, тут

не было никакого подвоха! Кроме того, журналы и газеты Соединенных Штатов, а особенно Калифорнии, выходящие ежедневно, дважды в неделю, еженедельно, два раза в месяц и ежемесячно, вот уж почти полгода привлекали внимание публики к этому острову, продажа которого с аукциона была утверждена Конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западо-юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под $32^{\circ}15'$ северной широты и $142^{\circ}18'$ западной долготы по Гринвичу.

Хоть остров Спенсер и был расположен довольно близко от побережья и даже, можно сказать, находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более изолированное от всяких пассажирских и товарных морских путей. Постоянные морские течения, отклоняясь к северу или к югу, образовали вокруг него нечто вроде озера с тихими водами, иногда обозначаемого на карте как «Глубина Флерье».

В центре этого бассейна и лежал остров Спенсер. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый Свет со Старым – будь то Япония или Китай, – лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, а паровым не было никакого смысла бороздить эти воды. И так, ни те, ни другие близ острова Спенсер почти никогда не показывались, и он возвышался среди моря подобно одинокой вершине, которыми увенчиваются в Тихом океане многие подводные скалы.

– Предлагаем остров! – снова завелся Дин Фелпорг. – Ну-ка, граждане! Давайте раскошеляйтесь! Кто хочет получить во владение остров?

Правда, для человека, уставшего от городского шума, мечтающего о покое, что может быть лучше этой «Исландии», затерянной в нескольких сотнях лье от берега! Идеал для добровольного робинзона! Но за этот идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от этого острова? Не было ли это вздорной фантазией? Нет, большая нация не может поддаваться капризам, как какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следующем: остров Спенсер давно уже стал совершенно бесполезным. Колонизовать его не имело смысла – все равно никто бы там не поселился. И с военной точки зрения он не представлял интереса, так как господствовал над абсолютно пустынной частью Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и здесь от него не было бы никакого проку. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком близко от берега. Занять же его просто так было бы слишком дорогим удовольствием.

С незапамятных времен остров Спенсер оставался необитаемым, и Конгресс, состоявшийся из людей «в высшей степени практичных», принял решение продать его с аукциона, но только с условием, чтобы покупатель был гражданином свободной Америки.

Однако дешево отдавать остров государство не хотело. Была назначена сумма в миллион сто тысяч долларов, которая для какой-нибудь акционерной компании представляла бы сущую безделицу.

Такая компания могла бы обеспечить акциями покупку и эксплуатацию острова, но только в том случае, если бы знала, что сможет извлечь из него хоть какую-нибудь выгоду. Однако, как мы уже говорили, никакой выгоды здесь ожидать не приходилось, и деловые люди обращали на остров Спенсер не больше внимания, чем на какой-нибудь айсберг в полярных морях. Для частного лица эта сумма была достаточно высокой. Нужно было обладать крупным состоянием, чтобы позволить себе роскошь так дорого заплатить за причуду, которая в лучшем случае не принесла бы и одного процента прибыли.

Остров продавался только за наличные, а известно, что даже в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые, не раздумывая, могут бросить на ветер миллион сто тысяч долларов без всякой надежды получить с них прибыль.

Итак, Конгресс твердо решил не уступать. Один миллион сто тысяч долларов! Ни цента меньше! Пусть уж лучше остров Спенсер останется тогда собственностью государства!

При этом условии заранее можно было предположить, что вряд ли найдется безумец, который пойдет на такую авантюру.

Кроме того, было оговорено, что человек, купивший остров Спенсер, получит не права суверена, а только президента, что он не сможет, подобно королю, иметь подданных. Сограждане будут выбирать его как президента республики на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так будет продолжаться до конца его дней. Во всяком случае, он, при всем желании, не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда бы не согласились на образование в американских водах королевства, каким бы маленьким оно ни было.

Очевидно, эта оговорка была предусмотрена с целью устранения от торгов какого-нибудь честолюбивого миллионера или лишеного власти набоба, если бы тому захотелось соперничать с туземными правителями Сандвичевых¹ или Маркизских островов, Помоту² или других архипелагов Тихого океана.

Короче говоря, по той или иной причине, но покупатель не объявлялся. Время шло. Оценщик надрывался, пытаясь добиться надбавки. Помощник тоже кричал что было мочи, но никто из присутствующих даже не кивнул головой, – жест, который эти прожженные аукционисты не преминули бы заметить, – и о цене тем более никто не заикался.

---

¹ Старое название Гавайских островов.

² Новое название – Туамоту.

Надо сказать, что если молоток Фелпорга неутомимо поднимался над конторкой, то и собравшимся не лень было ждать. Со всех сторон доносились насмешливые возгласы и довольно плоские шутки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками. Другие требовали возмещения расходов по покупке.

Дин Фелпорг продолжал выкрикивать:

– Продается остров! Продается остров!

Но покупателя все не находилось.

– А вы гарантируете, что там есть золотоносные жилы? – спросил лавочник Стемпи с Мерчент-стрит.

– Нет, – ответил аукционист, – но если они там окажутся, государство предоставляет владельцу все права на эти участки.

– А есть ли там, по крайней мере, вулкан? – спросил Окхерст, трактирщик с улицы Монтегомери.

– Вулкана там нет, – ответил Дин Фелпорг. – Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким смехом.

– Остров продается! Продается остров! – понапрасну надрывался оценщик. – Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз... Два...

Но никто не отзывался.

– Если не найдется желающий, торги будут сейчас же прекращены. Раз... Два...

– Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале, как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Все повернули головы, чтобы взглянуть на смельчака, отважившегося назвать такую цифру.

Это был Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско.

Глава вторая, в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско сопоставляется с Таскинармом из Стоктона

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Ходили слухи, что он даже богаче самого герцога Вестминстерского, чей годовой доход достигает восьмисот тысяч фунтов и который в состоянии тратить пятьдесят тысяч франков ежедневно; иначе говоря, тридцать шесть франков в минуту. Поговаривали, что он богаче сенатора Джона из Невады, владельца тридцатипятимиллионной ренты, богаче Мак-Кея, получающего от своего капитала два миллиона семьсот семь тысяч восемьсот франков в час, или два франка и несколько сантимов в минуту.

Нечего говорить уже ни о таких мелких миллионерах, как Ротшильд, Ван дер Билт, герцог Нортумберлендский или Стюарт, ни о директорах мощного калифорнийского банка и других капиталистах Старого и Нового Света, которым Уильям Кольдеруп мог бы подавать милостыню. Ему легче было бросить на ветер миллион, чем нам с вами каких-нибудь сто су.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному состоянию эксплуатацией золотых россыпей в Калифорнии в качестве главного компаньона швейцарского капитана Зуттера, на чьей земле в 1848 году была открыта первая золотоносная жила. Смело бросаясь в торговые и коммерческие авантюры, Кольдеруп, благодаря смекалке и везению, вскоре становится соучастником чуть ли не всех крупных предприятий Старого и Нового Света. На его неистощимые средства были построены сотни заводов, продукция которых экспортировалась на его же кораблях во все части света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Говорили, что он из тех миллиардеров, которые даже не могут сосчитать свой капитал. На самом же деле он знал, чем располагает с точностью до одного доллара, только, в отличие от других, не кичился своим богатством.

В то время, когда мы представили его читателям, Уильям Кольдеруп был владельцем двух тысяч торговых контор, учрежденных чуть ли не во всех странах мира, флотилии из пятисот кораблей, беспрестанно бороздивших моря для его вящей выгоды. У него было сорок тысяч конторских служащих, триста тысяч корреспондентов, и на одни только марки и почтовые расходы он тратил не меньше миллиона в год.

Короче говоря, он выделялся своим богатством среди всех богачей Фриско – так американцы фамильярно называют столицу Калифорнии.

Надбавка, сделанная Уильямом Кольдерупом, была очень значительной. И вот, когда присутствовавшим на аукционе стало известно имя того, кто только что накинул к цене на остров Спенсер сто тысяч долларов, по залу пронесся трепет. Шуточки мгновенно прекратились. Вместо насмешек послышались восторженные возгласы, раздались крики «ура».

Затем воцарилась тишина. Толпа замерла. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, которая могла бы разыграться, если бы кто-нибудь отважился вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться?

Нет! Стоило только взглянуть на Кольдерупа, чтобы убедиться, что он никогда не отступит от принятого решения, особенно если дело касается его финансовой репутации.

Это был высокий, сильный человек с крупной головой, широкими плечами и массивным телосложением. Ни перед кем он не опускал своего решительного взгляда. Его седеющая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Прямые линии носа образовывали геометрически очерченный треугольник. Усы он сбрасывал. Подстриженная на американский манер

бородка с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ, а затем тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Ровные белые зубы симметрично окаймлял тонко очерченный, в ту минуту сжатый рот. Ничего не скажешь, – голова командора, готового противостоять любой буре. В разыгравшейся битве на повышение каждое движение этого человека, малейший кивок головы могли означать надбавку в сто тысяч долларов.

Бороться с ним было невозможно.

– Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! – выкрикивал Дин Фелпорг, и в голосе его чувствовалось удовлетворение профессионала, почувствовавшего наконец, что старается он не напрасно.

– Есть покупатель за миллион двести тысяч долларов! – повторял за ним Джинграс.

– Теперь можно набавлять без страха, – пробормотал трактирщик Окхерст, – все равно Кольдеруп не уступит.

На них зашикали. Раз уже дошло до надбавок, нужно было соблюдать тишину. Все боялись пропустить какую-нибудь захватывающую подробность. Сердца присутствовавших учащенно бились. Осмелится ли кто-нибудь выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот стоял с гордым видом, не шелохнувшись, и был так спокоен, будто дело его и не касалось. Только находившиеся рядом с ним могли заметить, что глаза его метали искры, как два пистолета, заряженные долларами и готовые в любой момент выстрелить.

– Никто не дает больше? – крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

– Раз!.. Два!..

– Раз!.. Два!.. – повторял за ним Джинграс, привыкший к этому диалогу с оценщиком.

– Я присуждаю...

– Мы присуждаем...

– За миллион двести тысяч долларов!

– Все видели?.. Все слышали?..

– Никто потом не будет раскаиваться?

– Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики возрастало. Сдавленные груди сотен людей судорожно вздымались и опускались. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь решится набавить?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров будет продан.

Даже при учинении самосуда, который именуется в Америке судом Линча, толпа не могла быть более возбужденной.

Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, несколько мгновений трепетал в воздухе, как рапира в руках фехтовальщика, готового сделать неотразимый выпад, потом быстро опустился.

– Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас удивления, а вслед за ним – крики ликования. Желаящий сделать надбавку все-таки нашелся!

Итак, состязание продолжается.

Но кто же был этот смельчак, вступивший в поединок за доллары с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только богат, но к тому же еще и очень толст. Он весил около двухсот килограммов и если на последнем конкурсе толстяков завоевал только вторую премию, то лишь потому, что ему не дали закончить обед и он потерял в весе не менее пяти килограммов.

Этот колосс, который мог сидеть только на специально сделанном для него стуле, жил в Стоктоне на улице Сан-Иохим. Стоктон – один из значительных городов Калифорнии, один из

центров, куда свозится добыча с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена продукция рудников Севера. В этом же городе производится самая крупная погрузка на суда калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил не только эксплуатацией рудников и торговлей хлебом. Помимо этого он был азартным, притом удачливым, игроком в покер, заменяющий в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар был богат, но хорошими человеческими качествами не отличался, и его, не в пример Кольдерупу, никто не назвал бы «почтенным коммерсантом». Однако, что бывает нередко, злословили о нем больше, чем он того заслуживал. Впрочем, слухи о том, что Таскинар при малейшем поводе не постесняется пустить в ход дерринджер – так называется калифорнийский револьвер, – вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он завидовал его состоянию, положению, репутации. Он презирал его так, как только может толстяк презирать тощего. И не впервые коммерсант из Стоктона пытался из чувства соперничества взять верх над богачом из Сан-Франциско, если это даже шло в ущерб его выгоде. Уильям Кольдеруп прекрасно это знал и всякий раз при встрече выказывал достаточно пренебрежения, чтобы вывести из себя соперника.

Особенно Таскинар не мог простить своему конкуренту последнего успеха, когда тот буквально разбил его на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы, клевету – не говоря уже о тысячах долларов, напрасно истраченных им на предвыборных маклеров, – в Законодательном совете Сакраменто сидел не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот Таскинару удалось пронюхать, что Уильям Кольдеруп задумал приобрести остров Спенсер. По правде сказать, остров этот был ему так же не нужен, как и его сопернику. Но это не имело значения. Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Потому он и оказался в то утро в зале аукциона, замешавшись в толпе любопытных. Почему же Таскинар так долго собирался? Почему не вступал в борьбу, а выжидал, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в ту минуту, когда Уильям Кольдеруп мог уже считать себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

– Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись. Раздались голоса:

– Толстяк Таскинар!

И это имя переходило из уст в уста.

Еще бы! Ведь толстяк Таскинар был известной персоной. Его комплекция дала пищу не одной газетной статье! Какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывала заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушала лунную орбиту.

Но не комплекция Таскинара в этот момент интересовала собравшихся на аукционе. Все были взбудоражены тем, что он вступил в открытую борьбу с Уильямом Кольдерупом. Это была решительная схватка, битва, движимая долларами, и трудно было предугадать, на который из этих двух денежных мешков стоило ставить любителям пари. Оба соперника были чертовски богаты, и это был уже вопрос самолюбия.

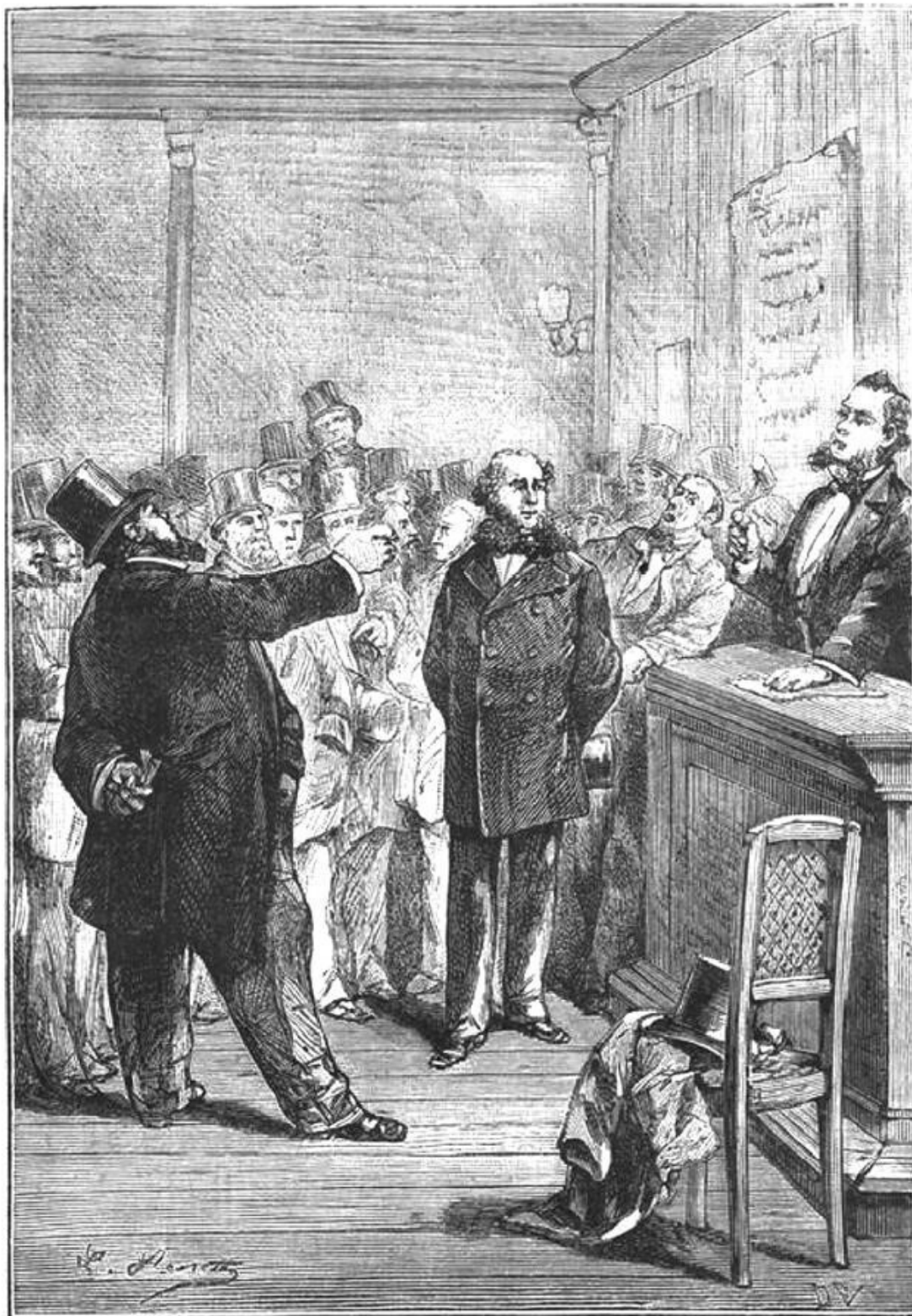
После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук тклет свою паутину. Тягостное молчание нарушил голос Дина Фелпорга.

– Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер! – крикнул он, вставая, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились, чтобы освободить место соперникам. Богач из Сан-Франциско и богач из Стоктона могли сколько угодно

смотреть друг на друга. Однако справедливость заставляет нас заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

- Миллион четыреста тысяч! – сказал Кольдеруп.
- Миллион пятьсот тысяч! – произнес в ответ Таскинар.
- Миллион шестьсот тысяч долларов!..
- Миллион семьсот тысяч долларов!..

Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Не походило ли это на историю с двумя капиталистами из Глазго, соревновавшимися из-за того, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь этим катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Между тем, услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп призадумался, не решаясь снова вступить в борьбу. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел и минуты тратить на размышление.

– Миллион семьсот тысяч долларов! – повторил оценщик. – Продолжайте, господа. Ведь это сущая безделица.

Можно было предположить, что, следуя своей профессиональной привычке, он не преминет добавить:

– Вещь стоит гораздо дороже!

– Миллион семьсот тысяч! – орал Джинграс.

– Миллион восемьсот тысяч! – вдруг заявил Уильям Кольдеруп.

– Миллион девятьсот тысяч! – не унимался Таскинар.

– Два миллиона! – тут же, не задумываясь, крикнул Кольдеруп.

При этом лицо его немного побледнело, но всем видом своим он давал понять, что борьбу так легко не прекратит.

Таскинар был вне себя. Его огромное лицо напоминало красный железнодорожный диск, который служит для остановки поездов. Но, видно, его соперник не считался с сигнализацией и продолжал раздувать пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его апоплексическому лицу.

Толстыми пальцами, унизанными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов. Глянув на своего противника, он на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти до сих пор не было в его взгляде.

– Два миллиона пятьсот тысяч! – изрек наконец толстяк, надеясь этим маневром устранить дальнейшую надбавку.

– Два миллиона семьсот тысяч! – спокойно заявил Уильям Кольдеруп.

– Два миллиона девятьсот тысяч!

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит.

– Три миллиона!

Да! Это было так! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал цифру в три миллиона долларов!

Его слова были встречены аплодисментами публики. Однако они сразу же смолкли, когда оценщик, повторив последнюю цифру, поднял молоток и, того и гляди, готов был его опустить. Даже Дин Фелпорг, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в аукционном зале обратились к Таскинару. Толстяк явно ощущал их тяжесть. Но еще больше тяготели над ним три миллиона долларов. Они буквально раздавили его.

Он, без сомнения, хотел говорить, прибавить цену, но не мог... Хотел пошевелить головой... Не тут-то было...

Наконец его голос совсем слабо, но достаточно внятно произнес:

– Три миллиона пятьсот тысяч!

– Четыре миллиона! – заявил Уильям Кольдеруп.

Нанесен был последний, ошеломляющий удар. Таскинар сдался. Молоток в последний раз глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер был присужден за четыре миллиона долларов Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

– Я отомщу! – злобно прошипел Таскинар.

И, бросив испепеляющий взгляд на противника, он зашагал по направлению к Западной гостинице.

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит. Энтузиазм американцев был так велик, что они даже забыли пропеть «Янки Дудл»!³

---

³ «Янки Дудл» – национальная песня северо-восточных штатов США.

Глава третья, в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепьяно

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монтгомери. Эта улица для Сан-Франциско все равно что Риджент-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка, Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль всей громадной артерии, пересекающей город параллельно набережной, кипит оживление. Множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше любителей хорошо провести время – у дверей баров.

Трудно описать особняк этого набоба из Фриско. Миллионер окружил себя ненужной роскошью. Больше комфорта, чем вкуса. Меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое вместе не уживается.

Пусть читатель узнает, что в особняке этом был великолепный салон для приемов, а в салоне стояло фортепьяно, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, когда он переступил порог своего дома.

«Вот удача! – подумал он. – Оба они здесь. Дам только распоряжение кассиру и сразу к ним».

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же покончить дело с покупкой острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Нужно было только реализовать несколько ценных бумаг и уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру, и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем в другом жанре.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепьяно, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

– Ты слушаешь мою игру? – спросила она.

– Конечно, Fiна!

– Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

– Как же, все слышу. Никогда еще ты так хорошо не играла этих вариаций из «Auld Robin gray»⁴.

– Но ведь это совсем не «Auld Robin gray», Годфри, это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

– Так я и думал, – равнодушным тоном ответил Годфри.

Молодая девушка подняла обе руки и несколько мгновений держала их над клавишами, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполоборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Fiна Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, который любил ее, как родную дочь.

Fiне исполнилось шестнадцать лет. Это была миловидная блондинка с решительным характером, отражавшимся в кристальной голубизне ее глаз. У молодой девушки было доброе сердце, но не меньше практического ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных этому возрасту.

– Годфри? – произнесла она.

– Что, Fiна?

– Где витают сейчас твои мысли?

---

⁴ «Auld Robin gray» – «Старый Робин Грей» (англ.) – опера, написанная по мотивам одноименной шотландской баллады Анн Линдсей, которую приписывают американскому композитору Александру Рейналу (1756–1804).

– Как «где»? Возле тебя... Здесь...

– Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь... Они далеко, далеко... За морями... Не правда ли?

– Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь... Они далеко-далеко... За морями... Не правда ли?

Рука Фины невольно упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, грустный тон которых, видимо, не дошел до племянника Кольдерупа.

Сын родной сестры богача из Сан-Франциско, рано потерявший родителей, Годфри Морган, как и Фина Холланей, получил воспитание в доме своего дядюшки, слишком увлеченного делами, чтобы подумать о собственной семье.

Годфри было двадцать два года. К этому времени он успел закончить образование, а теперь вел праздную жизнь. Хотя он и удостоился университетского диплома, но учений от этого не стал. Жизнь открывала перед ним большие возможности, широкую дорогу. Он мог следовать по ней направо, налево и в конце концов пришел бы туда, где бы ему улыбнулось счастье.

К тому же Годфри был хорошо сложен, воспитан, элегантен, никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями. Одним словом, не питал пристрастия к товарам ювелирных магазинов, до которых так падки его сограждане.

Никто не удивится, если я сообщу, что Годфри Морган должен был жениться на Фине Холланей. Да и как могло быть иначе? Все шло к тому. Прежде всего, этого хотел Уильям Кольдеруп. Он ничего так не желал, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал отеческие чувства, не говоря уже о том, что его воспитанник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть, с этого нужно было начинать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годфри на его имя был открыт один счет и на имя Фины – другой. Теперь оставалось только подытожить обе суммы и завести новый общий счет супругов. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что это в конце концов произойдет и что итог будет подведен без пропусков и ошибок.

Однако в то время, когда начинается наш рассказ, сам Годфри еще не чувствовал себя подготовленным к браку. Впрочем, его мнения никто не спрашивал и уж во всяком случае дядюшке было безразлично, что он думает.

Закончив образование и проводя свои дни в праздности, Годфри преждевременно пресытился жизнью, дарившей ему все блага, каких только он мог пожелать. Ему захотелось повидать свет. Он вбил себе в голову, что изучил все науки, кроме путешествий. И действительно, из всех земель Старого и Нового Света он знал лишь одну географическую точку, Сан-Франциско, свой родной город, с которой расставался только во сне.

Да разве может уважающий себя молодой человек, особенно если он американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? Как иначе испытать ему свои способности? Где еще встретятся ему приключения, в которых он проявит мужество и находчивость? Кроме того, преодолеть несколько тысяч лье, чтобы видеть, наблюдать, расширять свои знания, – разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

И вот произошло следующее. Примерно за год до начала нашего рассказа Годфри стал с увлечением читать многочисленные книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, с Колумбом – Америку, с капитаном Куком – Тихий океан, с Дюмон д'Юрвилем – земли у Южного полюса. С тех пор Годфри загорелся желанием посетить все эти места, где побывали до него прославленные путешественники. Он готов был ради этих экспедиций пойти на любой риск – встретиться лицом к лицу с малайскими пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селкирку⁵ или Робинзону Крузо. Робинзон! Стать робинзоном! Чье молодое

---

⁵ Селкирк – шотландский моряк, проведший несколько лет на необитаемом острове. Биографы Даниэля Дефо утверждают, что Селкирк был прототипом Робинзона Крузо, героя знаменитого романа Дефо.

воображение не воспламенялось этой мечтой при чтении романов Даниэля Дефо или Висса?⁶ В этом смысле Годфри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, необитаемых островах и пиратах, дядюшка задумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой после того, как она станет миссис Морган? Нет, это было бы безумием! Либо нужно отправиться в путь одному, либо вовсе отказаться от своих дерзновенных планов.

Годфри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, когда ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был так рассеян Годфри, вот почему он с таким безразличием внимал словам песни, был так безучастен к игре, которую когда-то не уставал расхваливать.

Фина, девушка серьезная и сообразительная, быстро все заметила. Сказать, что это не доставило ей некоторой досады, смешанной с огорчением, значило бы незаслуженно ее оклеветать. Но, привыкнув искать во всем положительную сторону, она решила: если Годфри так необходимо путешествовать, то лучше пусть он поедет до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку так просто, но многозначительно:

– Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь, не возле меня, они далеко-далеко, за морями!

Годфри поднялся, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к фортепьяно, машинально ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось *ре-бемоль* самой нижней октавы, печальная нота, выразившая его душевное состояние.

Фина все поняла и без долгих колебаний сначала решила припереть своего жениха к стенке, а потом уже помочь ему устремиться туда, куда его влекла фантазия. Но в эту самую минуту дверь салона отворилась.

В комнату вошел, как всегда, немного озабоченный Уильям Кольдеруп. Покончив с одной операцией, он собирался приступить к другой.

– Итак, – изрек коммерсант, – остается лишь окончательно наметить день.

– День? – вздрогнув, спросил Годфри. – Какой день, дядюшка, вы имеете в виду?

– Ну, разумеется, день вашей свадьбы, – ответил Кольдеруп. – Надо полагать, что не моей.

– Пожалуй, это было бы более кстати, – заметила Фина.

– Что ты этим хочешь сказать? – удивился Кольдеруп. – Итак, назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

– Но, дядя Виль. Сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

– Отъезда? Какого отъезда?

– Очень просто, дату отъезда Годфри, который, перед тем как жениться, хочет совершить небольшое путешествие.

– Значит, ты в самом деле хочешь уехать? – воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, будто для того, чтобы тот от него не сбежал.

– Да, дядя Виль, – бодро ответил Годфри.

– И надолго?

– На восемнадцать месяцев или, самое большее, на два года, если...

– Если?..

– Если вы мне разрешите, а Фина будет ждать моего возвращения.

– Ждать тебя! Нет, вы только поглядите на этого жениха, который только и думает, как бы сбежать, – воскликнул Кольдеруп.

---

⁶ В романе немецко-швейцарского писателя Иоганна Давида Висса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьи: отца и четырех сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1900 г. Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный как продолжение «Швейцарского Робинзона» Висса.

– Пусть Годфри поступает так, как хочет, – сказала девушка. – Дядя Виль! Ведь я на этот счет много передумала. Хоть годами я и моложе Годфри, но в знании жизни гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться жизненного опыта, и, мне кажется, не стоит его отговаривать. Хочет путешествовать – пусть едет. Ему самому захочется спокойной жизни, а я буду его ждать.

– Что! – воскликнул Уильям Кольдеруп. – Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

– Да, на два года, которые он просит.

– И ты будешь его ждать?

– Если бы я была неспособна его ждать, это бы означало, что я его не люблю.

Произнеся эту фразу, Фина возвратилась к фортепьяно, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли очень модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хоть песня и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал его без слов, и слова для ответа тоже не понадобилось.

А мелодия «Отъезд нареченного» становилась все печальнее.

Наконец Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который походил на подсудимого, стоящего перед судьей.

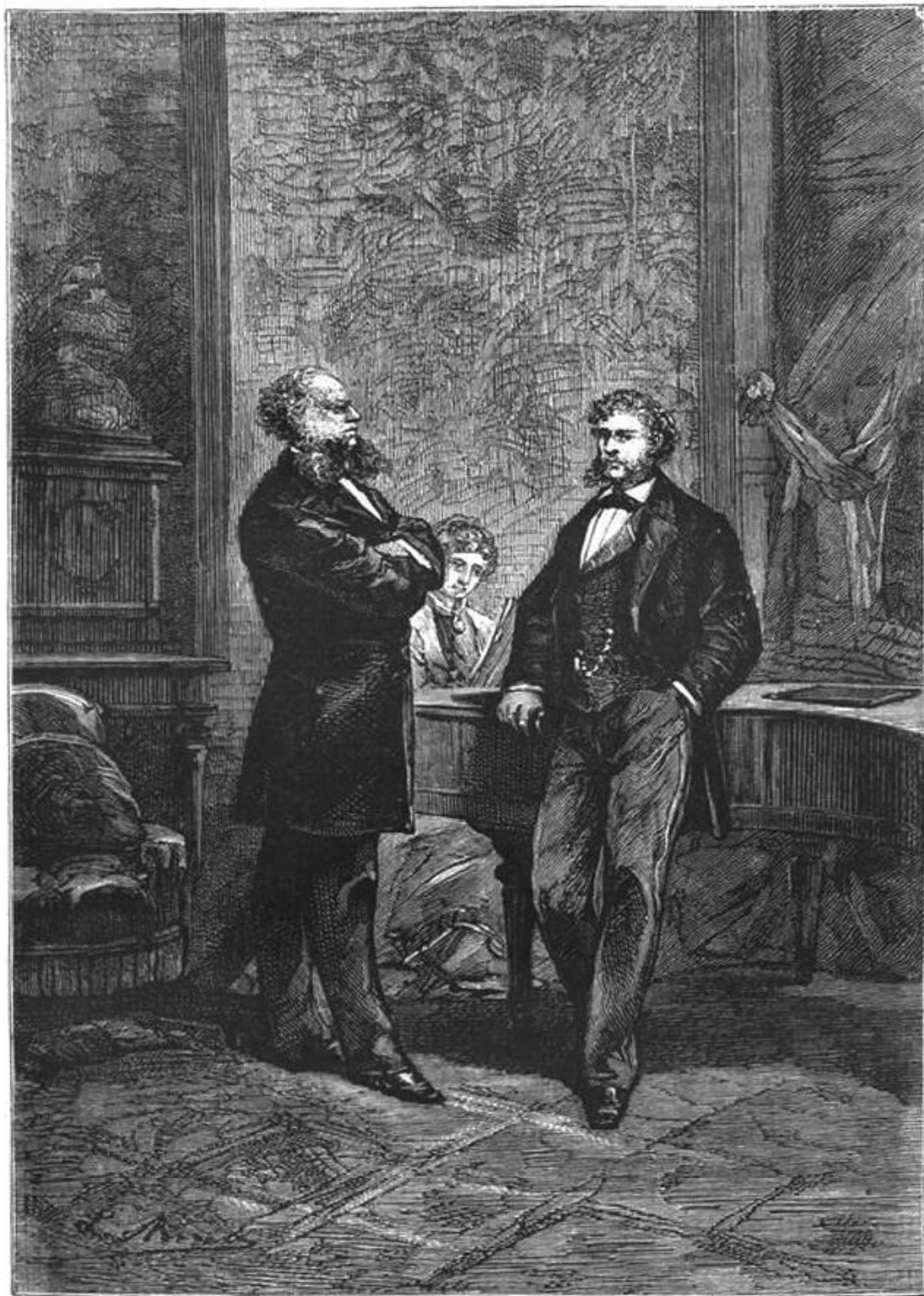
– Это серьезно? – спросил он у племянника.

– Очень серьезно! – ответила за жениха Фина, не прерывая музыки, тогда как Годфри лишь утвердительно качнул головой.

– All right, – произнес Кольдеруп, окинув племянника странным взглядом.

Затем сквозь зубы добавил:

– Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!

– Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!

И, сделав еще два-три шага, остановился перед Годфри, скрестил руки и спросил:

– Итак, где бы ты хотел побывать?

– Повсюду, дядюшка.

– А когда ты собираешься в путь?

– Как вам будет угодно, дядя Виль.

– Ладно! Это произойдет очень скоро.

При этих словах Фина внезапно оборвала игру. Быть может, девушке немного взгрустнулось. Так или иначе, решение ее оставалось непоколебимым.

Глава четвертая, в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тартелеттом

Если бы Т. Артелетт был французом, соотечественники не преминули бы шутливо окрестить его Тартелеттом⁷; так как это имя ему очень подходит, мы, не колеблясь, и будем впредь его так называть.

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, «напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми⁸ манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов»⁹.

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хоть в уплату за уроки он и не получал, как его предшественник, бобрowymi шкурами и медвежьими окороками, зато ему платили долларами. Во всяком случае, он ничуть не меньше способствовал цивилизации своих учеников, чем тот француз, обучавший хорошим манерам ирокезов.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему сорок пять лет. Но за десять лет до этого он чуть было не вступил в брак с одной перезрелой девицей.

Ради такого события его попросили в нескольких строках изложить свою биографию, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам воспроизвести его портрет с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост – пять футов, два дюйма, три линии.

Объем выше бедер – два фута, три дюйма.

Вес, увеличившийся за последний год на шесть фунтов, – сто пятьдесят один фунт, две унции.

Форма головы – продолговатая.

Волосы – каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб – высокий.

Лицо – овальное.

Цвет лица – здоровый.

Зрение – отличное.

Глаза – серо-карие.

Брови и ресницы – светло-каштановые.

Веки – запавшие.

Нос – средней величины, на краю левой ноздри выемка.

Щеки – впалые, без растительности.

Уши – большие, приплюснутые.

Рот – средний. Гнилых зубов нет.

Губы – тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

Подбородок – круглый.

Шея – полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

---

⁷ *Тартелетт* – сладкий пирожок (фр.).

⁸ *Дрогет*, *муслин* – ткани.

⁹ *Ирокезы* – группа индейских племен, широко распространенных в XVI–XIX веках на равнинах Северной Америки.

Жизнь ведет правильную, уравновешенную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел его сохранить благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине лишен дурной привычки курить табак.

Не употребляет ни спиртных напитков, ни кофе, ни ликеров, ни виноградных вин.

Короче говоря, избегает всего, что может оказывать пагубное воздействие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином, – вот единственные напитки, которые употребляет без всяких опасений. Благодаря своему благоразумию ни разу от рождения не обращался к врачу.

Жесты оживленные, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности – до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной из страха сделать ее несчастной.

Такой была характеристика, составленная самим Тартелеттом и, безусловно, заманчивая для девицы определенного возраста. Тем не менее брак этот не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком и продолжал давать уроки танцев и изящных манер.

В этом амплуа он и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали мало-помалу отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, человек он был очень славный и все домочадцы к нему привязались. Он любил Годфри, любил Фину, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него в жизни было только одно честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно учителя танцев Тартелетта и выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, у него были некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для полного завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, 16 апреля, он вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Просьба набоба была для Тартелетта равносильна приказу. Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно расставляя ноги, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с приятной улыбкой на лице вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, скрестив нижние части ног таким образом, что пятки касались друг друга, а носки смотрели в противоположные стороны.

Любой другой на месте учителя танцев Тартелетта не смог бы удержаться на ногах в таком неустойчивом положении, но он выполнил это с большим знанием дела.

– Мсье Тартелетт, – обратился к учителю Уильям Кольдеруп. – Я пригласил вас, чтобы сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

– К вашим услугам, – ответил Тартелетт.

– Свадьба моего племянника откладывается на год или на полтора года. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового Света.

– Мистер Кольдеруп, – ответил учитель, – мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

– А равно и наставника, который обучил его хорошим манерам, – добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт не усмотрел в его голосе никакой иронии.

Вслед за этим учитель танцев, убежденный, что он должен проделать все требуемые позиции, сначала наклонил ноги вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, легко согнув колено, поклонился Уильяму Кольдерупу.

– Я подумал, – продолжал коммерсант, – что вам не совсем приятно будет расставаться со своим учеником.

– О, крайне неприятно, – сказал Тартелетт, – но если это нужно...

– Совсем это не нужно, – возразил Уильям Кольдеруп, нахмутив густые брови.

– Тогда как же? – произнес Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил назад, чтобы перейти из третьей в четвертую позицию, потом расставил ноги, видимо не сознавая, что делает.

– Вот так! – безапелляционно заявил коммерсант. – Мне пришло в голову, что будет действительно очень жестоко разлучить учителя и ученика, достигших такого взаимопонимания.

Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искусственных тридцатипятилетними упражнениями ног.

– Конечно, путешествия... – пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

– Да, конечно... – подхватил Уильям Кольдеруп. – Во время путешествия раскроются не только таланты моего племянника, но и учителя, которому он обязан умением так хорошо себя держать...

Никогда этому большому ребенку и в голову не приходило, что в один прекрасный день ему придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию, даже Америку, чтобы отправиться бороздить моря. Этого никак не мог понять человек, больше занятый хореографией, чем путешествиями, и не выезжавший из города на расстояние свыше десяти миль. И вот теперь ему предлагали, нет, ему дали понять, что, хочет он или не хочет, он вынужден покинуть свою страну, чтобы испытать все трудности и неудобства переездов, которые он сам же рекомендовал своему ученику! Было от чего волноваться такому не слишком тренированному мозгу, каким обладал Тартелетт. Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искусственных тридцатипятилетними упражнениями ног.

– Может быть, – сказал он, пытаясь вызвать на губах шаблонную улыбку танцовщика, которая только на мгновение исчезла. – Может быть, я не гожусь для...

– Привыкнете! – ответил Кольдеруп тоном, не терпящим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно. Тартелетт о таком даже не подумал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом, который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его порядком взволновало.

– И когда же состоится отъезд? – спросил он, снова пытаясь стать в академическую позицию.

– Через месяц.

– А по какому бурному морю решил мистер Кольдеруп отправить нас с Годфри?

– Сначала по Тихому океану.

– А в какой точке земного шара должна ступить моя нога?

– В Новой Зеландии, – ответил коммерсант. – Я заметил, что новозеландцы не умеют толком округлять локтей! Вы их подучите!

Вот при каких обстоятельствах учитель танцев Тартелетт был назначен в спутники Годфри Моргану.

Одного знака Кольдерупа было учителю достаточно, чтобы понять, что аудиенция окончена. Он удалился в таких растрепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его уход, на этот раз оставляла желать много лучшего.

И в самом деле, впервые за свою жизнь учитель танцев Тартелетт, забыв от волнения элементарные правила своего искусства, вышел из кабинета, не выворачивая ног.

Глава пятая, которая начинается со сборов к путешествию и кончается благополучным отбытием

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Перед тем как начать вдвоем долгое путешествие по жизни, именуемое супружеством, Годфри должен был совершить путешествие вокруг света, что бывает иногда намного опасней. Но наш герой рассчитывал на успех своего предприятия. Он вернется домой не зеленым юнцом, а зрелым мужем, он многое сможет повидать, будет наблюдать и сравнивать, удовлетворит свое любопытство, а потом со спокойной совестью станет наслаждаться семейным счастьем. И тогда уже никакие искушения не заставят Годфри покинуть свой дом, отказаться от оседлой, спокойной жизни.

Правильно рассуждал он или нет? Окажется ли предстоящий урок для него полезным? Это покажет будущее.

Годфри сиял от радости, а Фина, не выдавая своей тревоги, смирилась с предстоящим испытанием.

Учитель танцев Тартелетт, всегда так твердо стоявший на ногах, такой искушенный во всех поворотах и позициях, на этот раз утратил свою обычную уверенность и тщетно пытался вновь ее обрести. Он качался даже на паркетном полу в своей комнате, словно в каюте корабля во время бортовой или килевой качки.

Что касается Уильяма Кольдерупа, то, приняв решение, невозмутимый коммерсант стал еще менее общительным, особенно с племянником. По его сжатым губам и полузакрытым глазам можно было определить, что в его практичную голову, в которой обычно роились сложнейшие финансовые комбинации, засела навязчивая мысль.

– Итак, тебе захотелось путешествовать, – бормотал он сквозь зубы, – путешествовать вместо того, чтобы жениться и сидеть дома, – что ж! Ты попутешествуешь!

Вскоре начались приготовления.

Прежде всего, следовало обсудить и взвесить все вопросы, связанные с выбором маршрута.

В какую сторону отправится Годфри – на юг, на восток или на запад? Это предстояло решить в первую очередь.

Если бы он сначала отправился на юг, то пароходные компании «Панама—Калифорния—Британская Колумбия», а затем «Саутгемптон—Рио-де-Жанейро» помогли бы ему добраться до Европы.

Если бы он взял курс на восток, то мог бы достичь берегов Старого Света, воспользовавшись сначала трансконтинентальной тихоокеанской железной дорогой, которая доставила бы его до Нью-Йорка, а потом – любым пакетботом американской или французской трансатлантической судоходной компании.

Если бы ему вздумалось сначала ехать на запад, то, прибегнув к услугам трансокеанской пароходной компании «Золотой Век», он легко попал бы в Мельбурн, а оттуда на каком-нибудь судне, принадлежащем «Восточной пароходной линии», добрался бы до Суэца. Благодаря математически точной координации расписаний пароходов и поездов, путешествие вокруг света превращалось в обычную туристскую поездку. Но совсем не так предстояло путешествовать племяннику набоба из Фриско!

Для своих коммерческих операций Уильям Кольдеруп располагал целой флотилией паровых и парусных судов. Почему бы миллионеру не предоставить одно из них в распоряжение Годфри Моргана, как если бы он был принцем крови и путешествовал ради собственного удовольствия на средства подданных своего отца?

Сказано – сделано.

По приказанию Кольдерупа стали снаряжать «Dream»¹⁰ – солидный пароход водоизмещением в шестьсот тонн, с двигателем в двести лошадиных сил, под командованием капитана Тюркота, испытанного морского волка, избородившего все океаны под всеми широтами. Отважный моряк, привыкший к торнадо, тифонам и циклонам¹¹, он из пятидесяти лет своей жизни сорок отдал навигации. Лечь в дрейф во время шторма и смело идти навстречу урагану этому храбрцу было легче, чем выдерживать «земную болезнь» в редкие недели отпуска. От вечного потряхивания на капитанском мостике он приобрел привычку постоянно раскачиваться вправо и влево, вперед и назад – это был своего рода «качечный» тик.

Помощник капитана, механик, четыре кочегара и двенадцать матросов вместе с боцманом – вот восемнадцать человек, составлявших экипаж «Дрима», который при спокойном ходе, то есть не более восьми миль в час, мог сойти за образцовое судно. А то, что он был не в состоянии развивать достаточную скорость во время бури, – это сущая правда. Но зато его не заливала волна – несомненное преимущество, компенсирующее тихоходность, особенно в том случае, когда некуда спешить. К тому же «Дрим» был оснащен как шхуна, и при благоприятном ветре пятьсот квадратных ярдов парусов всегда могли облегчить работу паровой машины.

Однако не подумайте, что плавание на «Дрима» должно было стать только увеселительной прогулкой. Уильям Кольдеруп был человек достаточно практичный, чтобы не воспользоваться для своих дел переездом в пятьдесят-шестьдесят тысяч миль по всем морям земного шара. Правда, отчалить от гавани предстояло без груза, но устойчивость легко было сохранить, наполнив водобалластные отсеки, что позволило бы в случае необходимости погрузиться ниже ватерлинии, хотя бы до самой палубы. Погрузка должна была производиться в промежуточных портах, где находились торговые конторы богатого негоцианта. В этом не было ничего необычного: капитану Тюркоту и не придется понапрасну гонять судно! Фантазия Годфри Моргана не уменьшит ни на один доллар дядюшкину кассу! Вот как совершаются сделки в хороших торговых домах!

Все подробности были обговорены на долгих и секретных совещаниях между Кольдерупом и капитаном Тюркотом. Но, как видно, несложное на первый взгляд дело оказалось не таким уж легким, если капитану пришлось несколько раз навещать кабинет коммерсанта. Когда он оттуда выходил, наиболее прозорливые из домочадцев Уильяма Кольдерупа могли бы заметить, что вид у него был довольно странный: взъерошенные, растрепанные волосы словно вздымались ветром, туловище еще больше, чем обычно, раскачивалось во все стороны. Во время этих переговоров из кабинета иногда доносились раскаты громких голосов, из чего можно было заключить, что беседы носили далеко не миролюбивый характер. Капитан Тюркот, человек по природе прямой, никогда не гнул спину перед Уильямом Кольдерупом. А богат настолько любил и ценил капитана, что даже позволял ему себе противоречить.

Наконец как будто все уладилось. Кто же уступил, Уильям Кольдеруп или Тюркот? Трудно было решить, не зная предмета споров. Но вряд ли это был капитан.

Так или иначе, после восьмидневных переговоров коммерсант и моряк, как видно, все же пришли к соглашению, несмотря на то, что Тюркот продолжал недовольно ворчать:

– Пусть меня унесут пятьсот тысяч чертей, если я когда-нибудь ожидал такой работы!

Между тем снаряжение «Дрима» быстро продвигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море. Все было сделано наилучшим образом: подводная часть выкрашена суриком и резко отличалась коричневато-красным цветом от черной верхней части корпуса.

---

¹⁰ Мечта, сновидение (англ.).

¹¹ Торнадо, тифоны, циклоны – название сильных морских бурь с вихревым движением воздуха.

В порт Сан-Франциско заходит множество судов под разными флагами. Городская гавань, раскинувшаяся вдоль побережья, давно уже стала бы помехой для погрузки и выгрузки товаров, если бы инженерам не удалось возвести искусственные сооружения. В воду вбили прочные сваи из красной ели, а сверху положили дощатый настил, образующий широкую платформу в несколько квадратных миль. И хотя она заняла большую часть бухты, места еще оставалось достаточно. На стапелях для разгрузки громоздились подъемные краны и множество тюков с товарами. К стапелям в образцовом порядке, не задевая друг друга, причаливали одно за другим океанские суда и речные пароходы, клипера из всех стран и американские рыбацьи баркасы.

У одной из таких искусственных пристаней, в конце Уорф-Мишн-стрит, снаряжался по всем правилам «Дрим», уже прошедший в особом доке килевание¹².

Короче говоря, было сделано все, чтобы приготовленный для Годфри пароход мог пуститься в долгий путь: провиант и необходимые припасы были вовремя заготовлены, к оснастке не придрался бы лучший из знатоков, котел был тщательно проверен, машина и винты не оставляли желать лучшего. Для надобности экипажа и большей легкости сообщения с землей на палубу «Дрима» была установлена быстроходная и устойчивая паровая шлюпка, необходимая во время плавания.

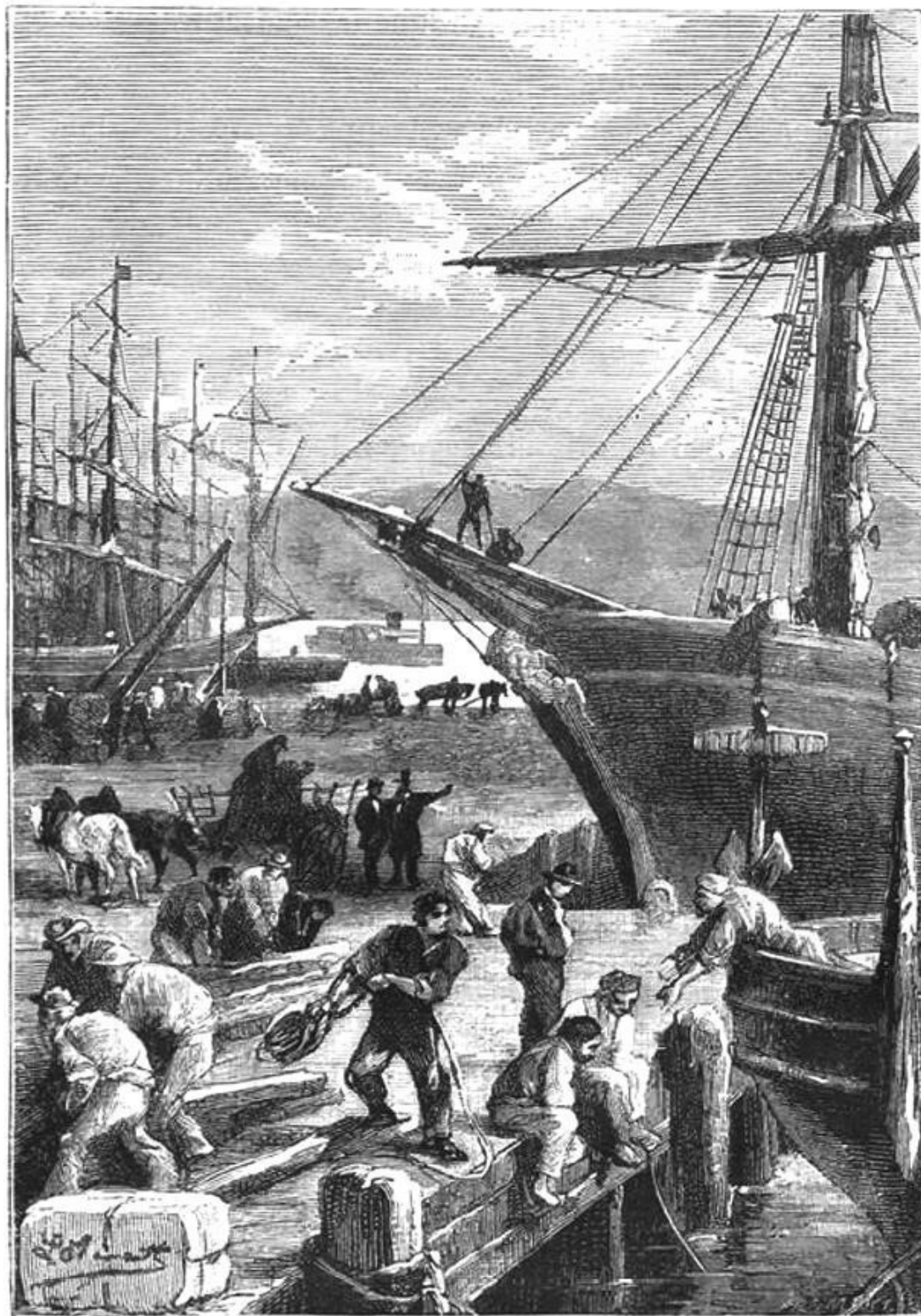
К 10 июня все было готово. Оставалось лишь выйти в море.

Люди, поставленные капитаном Тюркотом для наблюдения за машиной и парусами, были специалистами своего дела, и лучших найти было трудно. На нижней палубе в загонах поместили скот и птицу: агути¹³, баранов, коз, петухов и кур. Кроме того, заготовили изрядное количество ящичков с отборнейшими консервами.

---

¹² *Килевание* – ремонт подводной части судна.

¹³ *Агути* – род зайцевидных грызунов.

Между тем снаряжение «Дрима» быстро продвигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море.

Что касается маршрута «Дрима», то он, вероятно, и вызвал разногласия Уильяма Кольдерупа и капитана Тюркота. Пока было только известно, что первую остановку решили сделать в Окленде, столице Новой Зеландии, если только потребность в угле или противные ветры

не заставят до этого посетить какой-нибудь из тихоокеанских архипелагов или какой-нибудь китайский порт.

Впрочем, все эти подробности не имели для Годфри никакого значения с того момента, как он узнал, что путешествие состоится, и еще меньше интересовали Тартелетта, чье большое воображение с каждым днем все больше увеличивало предстоящие опасности.

Нужно было выполнить еще одну формальность: сняться у фотографа.

Какой жених позволит себе отправиться в кругосветное путешествие, не взяв с собой портрета своей невесты и не оставив ей своего?

Поэтому Годфри в костюме туриста предстал перед Стефенсоном, фотографом с Монгомери-стрит. Его сопровождала Фина в строгом костюме для прогулок, доверившая солнцу запечатлеть черты своего миловидного, слегка опечаленного лица.

Обмен фотографиями был иллюзорным способом не разлучаться во время долгой разлуки. Портрет Фины должен был стоять в каюте Годфри, а портрет Годфри в комнате его невесты.

Несмотря на то что Тартелетт не был женихом и быть им никогда не собирался, решили и его черты запечатлеть на сверхчувствительной бумаге. Но при всем своем таланте фотограф не мог получить удовлетворительного снимка. На снимке проступал какой-то смутный туман, в котором невозможно было узнать учителя танцев и изящных манер. А происходило это оттого, что во время фотографирования, не слушаясь указаний ассистентов знаменитого фотографа, Тартелетт не переставал ерзать. Испробовать другие, более быстрые методы – моментальную съемку? Бесплезно! Тартелетт заранее начинал раскачиваться, совсем как капитан «Дрима».

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

Пришлось отказаться от мысли увековечить черты этого замечательного человека – неоправимое несчастье для будущих поколений, если – мы, конечно, далеки от этой мысли – если Тартелетт вместо того, чтобы попасть, как он предполагал, в Старый Свет, отправится на тот свет, откуда уже нет возврата.

Итак, приготовления закончились, оставалось лишь сняться с якоря. Все нужные бумаги, записи о владении кораблем, страховой полис – все было в полном порядке. Еще за два дня до этого поверенный торгового дома Уильяма Кольдерупа прислал последние подписи.

Девятого июня в особняке на Монтгомери-стрит был дан прощальный завтрак. Пили за счастливое путешествие Годфри и за его скорое возвращение.

Молодой человек был очень взволнован и даже не старался этого скрыть. Фина держалась гораздо спокойнее. Что касается Тартелетта, то он потопил свои волнения в нескольких стаканах шампанского, действие которого сказывалось на нем до самого отъезда. Он даже забыл захватить с собой карманную скрипку, и ему принесли ее в ту минуту, когда на «Дриме» уже были отданы концы.

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

– Прощай, Фина!

– Прощай, Годфри!

– Счастливого пути! – крикнул Уильям Кольдеруп.

– А еще важнее – благополучного возвращения! – крикнул в ответ учитель танцев и изящных манер.

– Смотри, Годфри, – добавил Кольдеруп, – никогда не забывай девиза, начертанного на корме «Дрима»: «Confide, recte, agens!»¹⁴

– Никогда не забуду, дядя Виль! Прощай, Фина!

– Прощай, Годфри!

Пароход отошел. С борта и с пристани махали платками до тех пор, пока с той и другой стороны можно было хоть что-нибудь разглядеть.

Вскоре «Дрим» оставил позади бухту Сан-Франциско, едва ли не самую большую в мире, затем миновал узкий канал «Golden Gate»¹⁵ и наконец очутился в водах Тихого океана, будто и в самом деле ворота за ним только что закрылись.

---

¹⁴ Действуй смело и верь! (*лат.*)

¹⁵ Золотые ворота (*англ.*).

Глава шестая, в которой читателю придется познакомиться с новым персонажем

Путешествие благополучно началось. Впрочем, читатели охотно согласятся, что отчалить от гавани куда легче, чем возвратиться.

Учитель танцев Тартелетт любил часто повторять со свойственной ему неоспоримой логикой:

– Путешествие всегда имеет свое начало. Важнее, где и когда оно кончится.

Дверь от каюты Годфри выходила в полуют, расположенный в кормовой части «Дрима» и служивший столовой. Наш юный герой устроился со всем возможным комфортом. Портрету Фини было предоставлено место на самой светлой стене. Койка, умывальник, несколько шкафов для одежды и белья, рабочий стол, удобное кресло – что еще нужно путешественнику двадцати двух лет?

В таких условиях можно и двадцать два раза объехать вокруг света! Не обладал ли Годфри тем возрастом, здоровьем и хорошим настроением, которые дают человеку наилучшую практическую философию?

Ах, молодые люди, молодые люди! Путешествуйте, если можете, а если не можете... все равно путешествуйте!

А вот Тартелетту было совсем невесело. Его каюта, находившаяся рядом с каютой Годфри, казалась ему слишком узкой, койка – невозможно жесткой, а свободное пространство в шесть ярдов явно недостаточным, чтобы проделывать там всевозможные па.

Мог ли турист подавить в нем хоть на время призвание учителя танцев и хороших манер? Нет! Оно было у него в крови, и надо думать, что даже в предсмертный час его ноги будут находиться в первой танцевальной позиции: пятки вместе, носки врозь.

Трапезы решили проводить сообща. Годфри и Тартелетт получили места друг против друга, а капитан и его помощник – на противоположных концах так называемого «качечного стола». Это ужасное наименование «качечный стол» или «стол боковой качки» не вызывало сомнений, что место учителя танцев часто будет пустовать.

Девятого июня, в день отъезда, погода стояла прекрасная. Дул легкий северо-восточный бриз. Чтобы набавить скорость, капитан Тюркот приказал поднять паруса, после чего «Дрим» перестал раскачиваться с боку на бок. А поскольку волна набегала теперь сзади, меньше беспокоила и килевая качка. Лица пассажиров не изменили своего выражения: не было ни зажатых носов, ни запавших глаз, ни посиневших губ, ни бледных щек. Плавание проходило пока вполне сносно. Пароход шел в юго-западном направлении, по спокойному, только слегка пенящемуся морю, и американский берег скоро исчез за горизонтом.

В течение двух следующих дней ничего значительного не произошло. «Дрим» шел по-прежнему хорошим ходом.

Начало путешествия было благоприятным, хотя капитан Тюркот иногда проявлял беспокойство, не укрывшееся от его пассажиров. Каждый день, как только солнце переходило через меридиан, он с необыкновенной пунктуальностью определял местонахождение корабля. Затем он запирался со своим помощником в каюте, и там они долго что-то обсуждали, словно могло произойти какое-нибудь важное событие. Правда, секретные совещания ускользнули от внимания Годфри, не искушенного в делах навигации, но у некоторых матросов вызывали недоумение.

Недоумение было тем большим, что по ночам, два или три раза в течение первой недели плавания, «Дрим» без видимой причины менял курс. То, что было бы естественным для парус-

ного судна, зависящего от атмосферных явлений, было непонятно и неестественно для парохода, который мог всегда идти по намеченному курсу, снимая паруса при неблагоприятном ветре.

Утром 12 июня на борту произошел неожиданный инцидент.

В ту минуту, когда капитан Тюркот, его помощник и Годфри как раз собирались приступить к завтраку, на палубе послышался странный шум и на пороге столовой показался боцман.

– Капитан! – обратился он к Тюркоту.

– Что случилось? – воскликнул Тюркот, бывший – как истый моряк – всегда настороже.

– На борту оказался китаец, – ответил боцман.

– Китаец?

– Да. Самый настоящий. Мы только что обнаружили его на дне трюма.

– Тысяча чертей! – вскричал Тюркот. – Бросить его в море.

– All right! – ответил боцман.

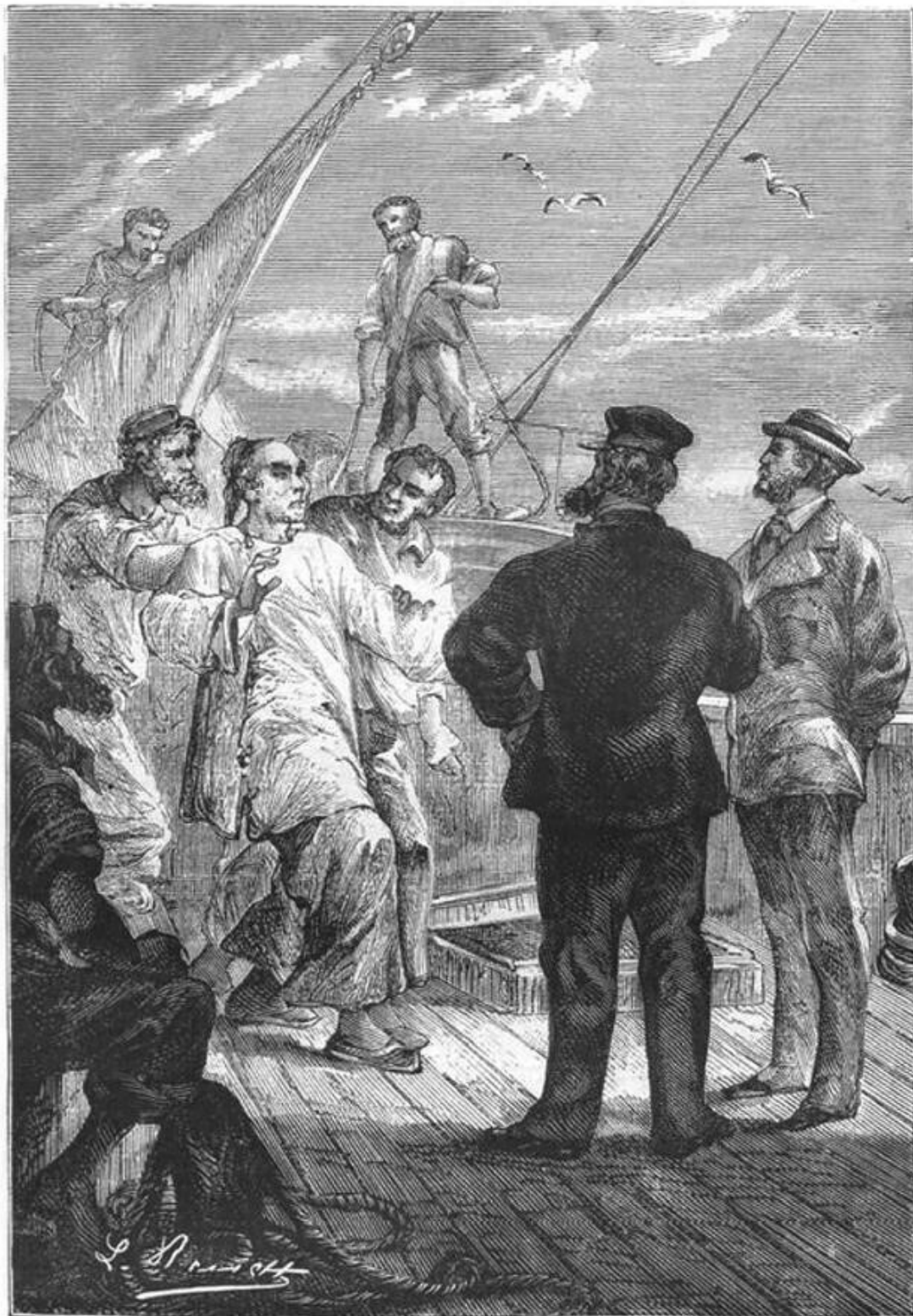
Как и многие калифорнийцы, зараженные презрением к сынам Небесной империи¹⁶, он нашел это приказание как нельзя более правильным и готов был исполнить его без малейших угрызений совести.

Капитан Тюркот в сопровождении Годфри и своего помощника вышел из столовой и направился к баку.

Они увидели китайца, отбивавшегося от двух или трех матросов, которые скрутили ему руки и награждали ударами. Это был человек лет тридцати пяти – сорока, с умным лицом, щеками, лишенными всяких признаков волосяного покрова, слегка осунувшийся от шестидневного пребывания в спертom воздухе трюма. Найден он был в этом убежище только по чистой случайности.

---

¹⁶ *Небесная империя* – название императорского Китая.

Они увидели китайца, отбивавшегося от двух или трех матросов, которые скрутили ему руки и нагрядали ударами.

Капитан тут же велел матросам отпустить несчастного.

– Кто ты? – спросил он.

– Сын солнца.

– Как твое имя?

– Сенг-Ву, – ответил китаец.

– Что ты здесь делаешь?

– Плыву, – спокойно ответил китаец, – и при этом не причиняю вам ни малейшего вреда.

– Верно! Ни малейшего вреда!.. А когда ты успел спрятаться в трюме? Незадолго до отхода?

– Так оно и было, капитан.

– Чтобы бесплатно прокатиться из Америки в Китай, на тот берег Тихого океана?

– Да, если вам угодно.

– А если мне это неудобно? Если я предложу тебе добраться до Китая вплавь?

– Попробую, – с улыбкой ответил китаец, – но, скорее всего, я утону по дороге.

– Ах вот как! Сейчас я научу тебя, как экономить деньги на проезд.

И сверх меры рассерженный капитан, вероятно, тут же привел бы свою угрозу в исполнение, если бы не вмешался Годфри.

– Послушайте, капитан, – обратился он к Тюркоту. – Лишний китаец на борту «Дрима» – это значит одним китайцем меньше в Калифорнии. А там их достаточно...

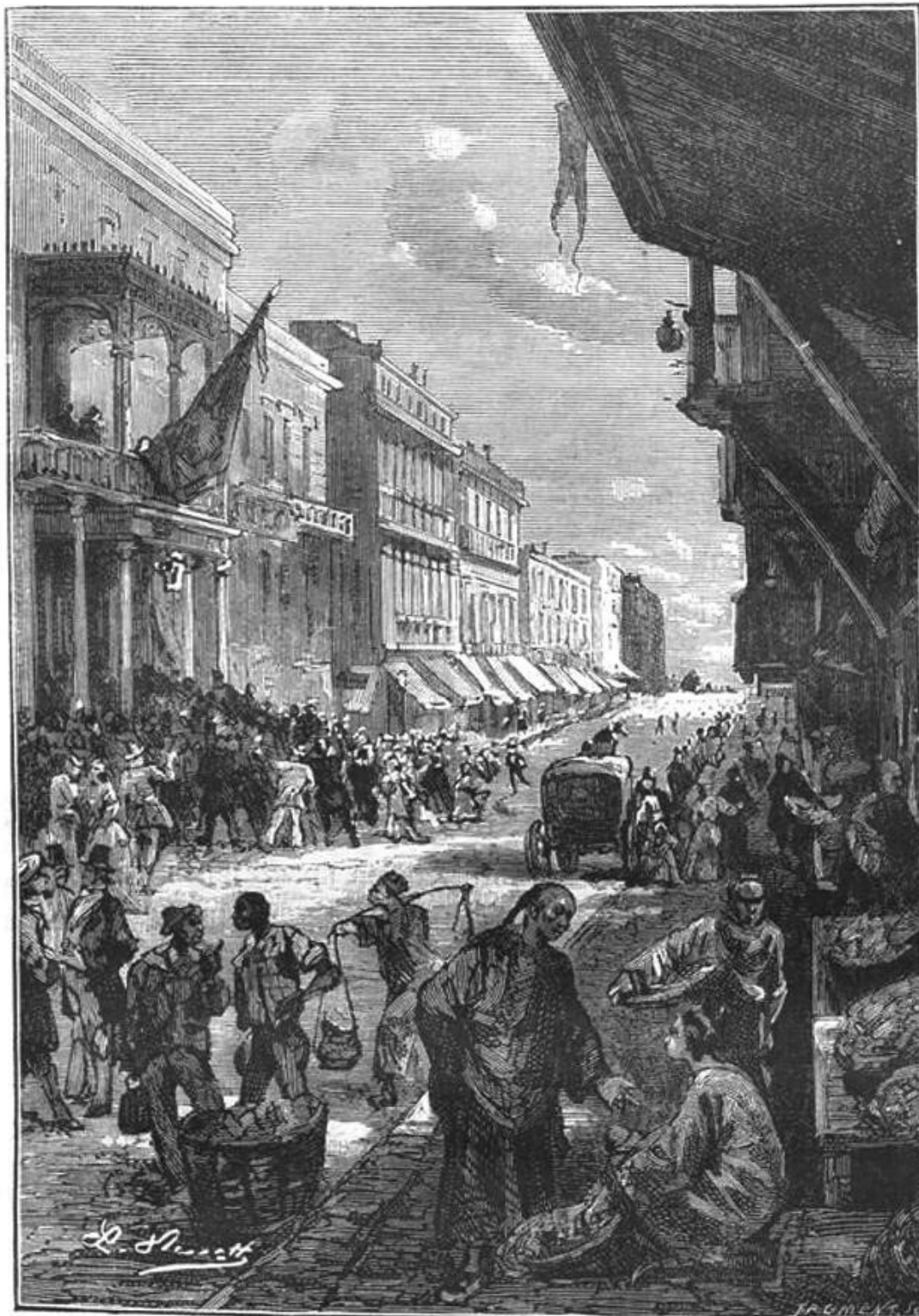
– Даже предостаточно, – заметил немного успокоившийся Тюркот.

– Действительно, их там слишком много, – продолжал Годфри. – Итак, за то, что этот оборванец счел нужным освободить от своего присутствия Сан-Франциско, он заслуживает снисхождения. Давайте лучше высадим его где-нибудь поблизости от Шанхая и забудем об этом.

Говоря, что в штате Калифорния слишком много китайцев, Годфри выражал мнение большинства калифорнийцев. И в самом деле, иммиграция китайцев в Америку, учитывая, что население Китая возросло до трехсот миллионов, а население Соединенных Штатов насчитывало тридцать миллионов¹⁷, становилась серьезной проблемой. Законодатели Западных Штатов – Калифорнии, Орегона, Невады, Юты – и сам Конгресс были в то время озабочены массовым переселением китайцев в Америку.

---

¹⁷ Эти данные относятся ко второй половине XIX века.

В ту пору в Соединенных Штатах проживало свыше пятидесяти тысяч китайцев.

В ту пору в Соединенных Штатах проживало свыше пятидесяти тысяч китайцев, не считая Калифорнии. Этот трудолюбивый народ, отличавшийся особым искусством в работах по промыванию золота, народ, который довольствуется щепоткой риса и несколькими глотками чая, легко поддавался эксплуатации, снижая заработную плату в ущерб местным рабочим. По этой причине, вопреки американской конституции, их иммиграция ограничена в Америке осо-

бым законом: китайцам отказывают в правах гражданства из опасения, чтобы они не получили голоса в Конгрессе. Относятся к ним ничуть не лучше, чем к индейцам и неграм. Их называют «зачумленными» и чаще всего поселяют в своеобразных гетто, где они стараются сохранить нравы и обычаи своей страны.

В столице Калифорнии они были оттеснены в квартал близ улицы Сакраменто, где красовались китайские вывески и традиционные фонарики. Там их можно встретить тысячами в национальных халатах с широкими рукавами, в шапках конической формы и сапогах с загнутыми носками. Чаще всего они служат в лавках, поступают в садовники или повара, работают в прачечных и даже входят в состав китайских драматических трупп.

Пора уже сообщить читателям, что Сенг-Ву состоял в одной из таких трупп, на амплуа первого комика, если подобное амплуа вообще может быть применимо к китайскому актеру. Действительно, вид у них всегда такой серьезный, даже когда они шутят, что калифорнийский романист Брет Гарт с полным основанием мог сказать, что никогда не видел на сцене смеющимся ни одного китайского актера. По этой же причине, присутствуя на представлении китайской пьесы, он никак не мог решить, трагедия это или фарс.

Итак, Сенг-Ву был комическим актером.

Закончив сезон с большим успехом и небольшим количеством звонкой монеты, он решил еще при жизни добраться до родной страны¹⁸. Вот почему он и проскользнул тайком в трюм парохода «Дрим».

Запасшись провизией, он, как видно, надеялся незаметно провести на судне несколько недель, а потом украдкой высадиться где-нибудь на китайском берегу.

План был вполне осуществим. Даже в худшем случае виселица ему не угрожала.

Конечно, Годфри поступил правильно, вступившись за незаконного пассажира, а капитан Тюркот, бывший в сущности не таким грозным, каким хотел выглядеть в глазах окружающих, легко отказался от своего плана выбросить Сенг-Ву за борт.

Теперь китайцу уже не было надобности забиваться в трюм, ведь и на палубе он никого не стеснял. Флегматичный, малообщительный, он особенно избегал матросов, не упускавших случая наградить его тумаками. Впрочем, Сенг-Ву был настолько худ, что от его веса на судне не могло получиться перегрузки, и, хотя он и ехал бесплатно, Уильяма Кольдерупа он не разорил ни на один цент.

Его присутствие, однако, навело капитана Тюркота на размышления, понятные только его помощнику:

– Как бы нам не помешал этот проклятый китаец, когда дойдет до дела. Впрочем, тем хуже для него!

– Для чего он пролез на «Дрим»? – спросил помощник.

– Чтобы добраться до Шанхая, – сказал капитан. – Вот уж некстати свалился нам на голову этот сын Небесной империи!

---

¹⁸ По китайскому обычаю, захоронение нужно производить только на родной земле, и существуют специальные суда, занимающиеся перевозкой трупов. – *Примеч. авт.*

Глава седьмая, в которой читатель сможет убедиться, что Уильям Кольдеруп не напрасно застраховал свой корабль

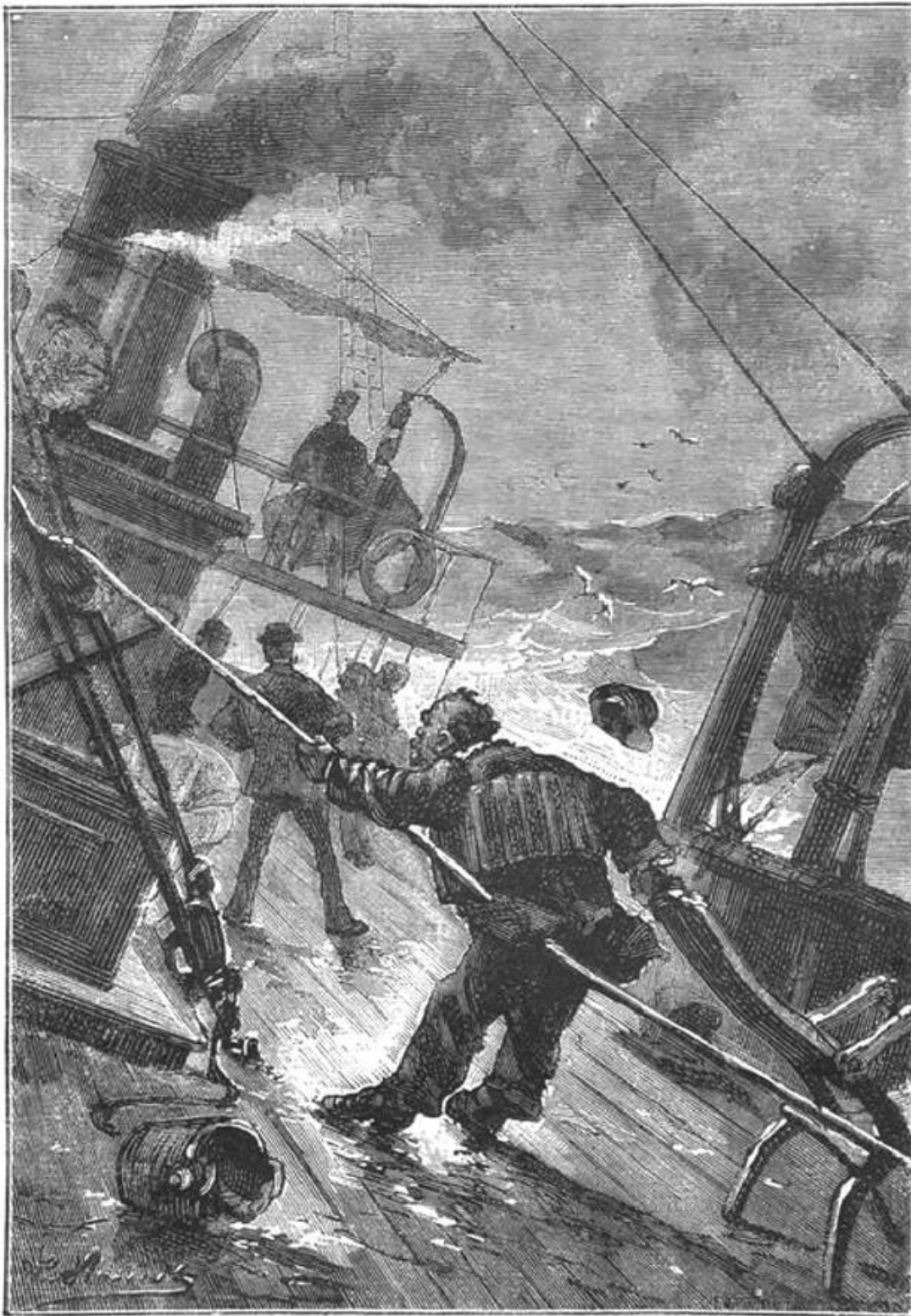
В течение трех следующих дней – 13, 14 и 15 июня – барометр медленно опускался ниже обозначения «переменно». Стрелка колебалась между «дождем» или «ветром» и «бурей».

Ветер значительно посвежел при повороте к юго-западу. Для такого судна, как «Дрим», это могло быть пагубно. Пароходу приходилось бороться с высокими волнами, набегавшими на него с носа. Паруса были предусмотрительно убраны; продвигаться вперед помогал только гребной винт, да и то он должен был действовать не в полную силу, во избежание резких толчков.

Годфри легко переносил и бортовую, и килевую качку, не теряя хорошего настроения и завидного аппетита. Можно было поверить, что юноша действительно любил море, чего нельзя сказать о Тартелетте.

Тартелетт моря не любил, и оно платило ему тем же. Надо было видеть несчастного учителя изящных манер, которому пришлось забыть о собственной грации знаменитого танцмейстера, который должен был выписывать вензеля вопреки всем правилам танцевального искусства! Но ему ничего не оставалось, как делать эти непозволительные па: отсиживаться в каюте, подвергаясь ужасным толчкам, сотрясавшим весь пароход, было еще хуже.

– Воздуху! Воздуху! – стонал бедняга, стараясь подавить тошноту.

Тартелетт моря не любил, и оно платило ему тем же.

Начиналась боковая качка, и его швыряло от одного борта к другому.

Начиналась килевая качка, и его перекачивало от кормы к носу.

Он тщетно хватался за планширы, напрасно цеплялся за шкоты, принимая самые отчаянные с точки зрения современной хореографии позиции!

Ах, если бы он мог взлететь ввысь, как воздушный шар, чтобы не делать этих диких прыжков на вечно движущемся палубном настиле!

И зачем только сумасбродному богачу Уильяму Кольдерупу вздумалось обречь его на такие пытки!

– Долго еще будет продолжаться эта ужасная погода? – по двадцать раз в день спрашивал он у капитана Тюркота.

– Гм... Барометр пока не радуется, – неизменно отвечал капитан, хмуря брови.

– А скоро ли мы приедем?

– Скоро, господин Тартелетт!.. Гм... теперь уже скоро. Придется немного потерпеть.

– И этот океан называется Тихим! – повторял несчастный в промежутках между икотой и акробатическими упражнениями.

Надо сказать, что учитель танцев страдал не только от морской болезни, но еще и от страха, который охватывал его при виде громадных катящихся валов, достигавших уровня палубы.

Он был подавлен грохотом машинного отделения, шумом выхлопных клапанов, выпускавших отработанный пар мощными толчками. Он с содроганием ощущал всем телом, как пароход проваливался точно в пропасть и как пробка выскакивал на водяную вершину.

– Нет, тут уж ничем не поможешь, корабль непременно опрокинется, – повторял несчастный страдалец, устремляя на своего ученика бессмысленный взгляд.

– Спокойствие, Тартелетт! – отвечал Годфри. – Кораблю положено качаться на волнах, плавать, а не тонуть. Это достаточное основание, чтобы успокоиться.

– А я не вижу оснований, – твердил Тартелетт. Одержимый маниакальной идеей, учитель танцев надел спасательный пояс, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью. Всякий раз, когда море начинало успокаиваться, он изо всех сил надувал его, но, как ни старался, по-прежнему считал пояс недостаточно надутым.

Страх Тартелетта был вполне понятен. Человеку, не привыкшему к морю, разгул стихии доставляет много беспокойства, а ведь Тартелетт никогда не плавал даже по тихим водам бухты Сан-Франциско. Отсюда, естественно, и морская болезнь, и страхи при сильной качке.

А между тем погода все ухудшалась, угрожая «Дриму» шквальным ветром. Если бы пароход находился в виду берега, на это указали бы семафоры¹⁹.

В течение всего дня корабль, сотрясаемый ужасными волнами, шел только средним ходом, чтобы не портить машину и не сломать винт, который при перемещении судна с одного уровня на другой то погружался в воду, то повисал над ней, работая вхолостую. В эти моменты лопасти поднимались выше ватерлинии и били по воздуху с риском повредить механизм. Из-под кормы «Дрима» слышались тогда как бы глухие выстрелы, и поршни двигались с такой скоростью, что механик едва успевал регулировать машину.

При этом от наблюдательности Годфри не укрылось одно странное обстоятельство, причину которого он сначала никак не мог понять: ночью пароход сотрясало меньше, чем днем. Следовало ли отсюда заключить, что ветер уменьшался после захода солнца, и потому наступало некоторое затишье?

Различие было настолько явственно, что в ночь с 21 на 22 июня Годфри решил разобраться, в чем дело. Как раз в этот день море было особенно беспокойным, ветер еще больше усилился и казалось, что после такого длинного дня никогда не наступит ночь.

Дождавшись, однако, полночи, Годфри поднялся, оделся потеплее и вышел на палубу. Вахту нес капитан Тюркот. Он стоял на мостике, пристально вглядываясь в даль.

---

¹⁹ Семафоры – сигнальные приспособления, расположенные в опасных местах или указывающие приближение бури.

И тут Годфри почувствовал, что ветер хотя и не уменьшился, но натиск волн, рассекаемых форштевнем «Дрима», заметно ослабел. Подняв глаза на задернутую черным дымом трубу, он увидел, что дым отлетает не назад, а по ходу судна.

– Значит, ветер переменялся, – заметил он про себя.

Очень довольный этим наблюдением, Годфри поднялся на капитанский мостик и подошел к Тюркоту.

– Капитан! – обратился он к моряку.

Тюркот, закутанный в клеенчатый плащ, не слышал его шагов и не мог скрыть удивления, увидев перед собой молодого человека.

– Это вы, мистер Годфри? Вы... На мостике...

– Да, капитан, я пришел у вас спросить...

– Но о чем? – подхватил Тюркот.

– Разве ветер не переменялся?

– Нет, мистер Годфри, к сожалению, нет... И я боюсь, как бы он не перешел в бурю.

– Однако ветер теперь сзади!

– Ветер теперь сзади... В самом деле... Ветер сзади... – повторил капитан, почему-то раздосадованный этим замечанием. – Но это помимо моей воли, – добавил он.

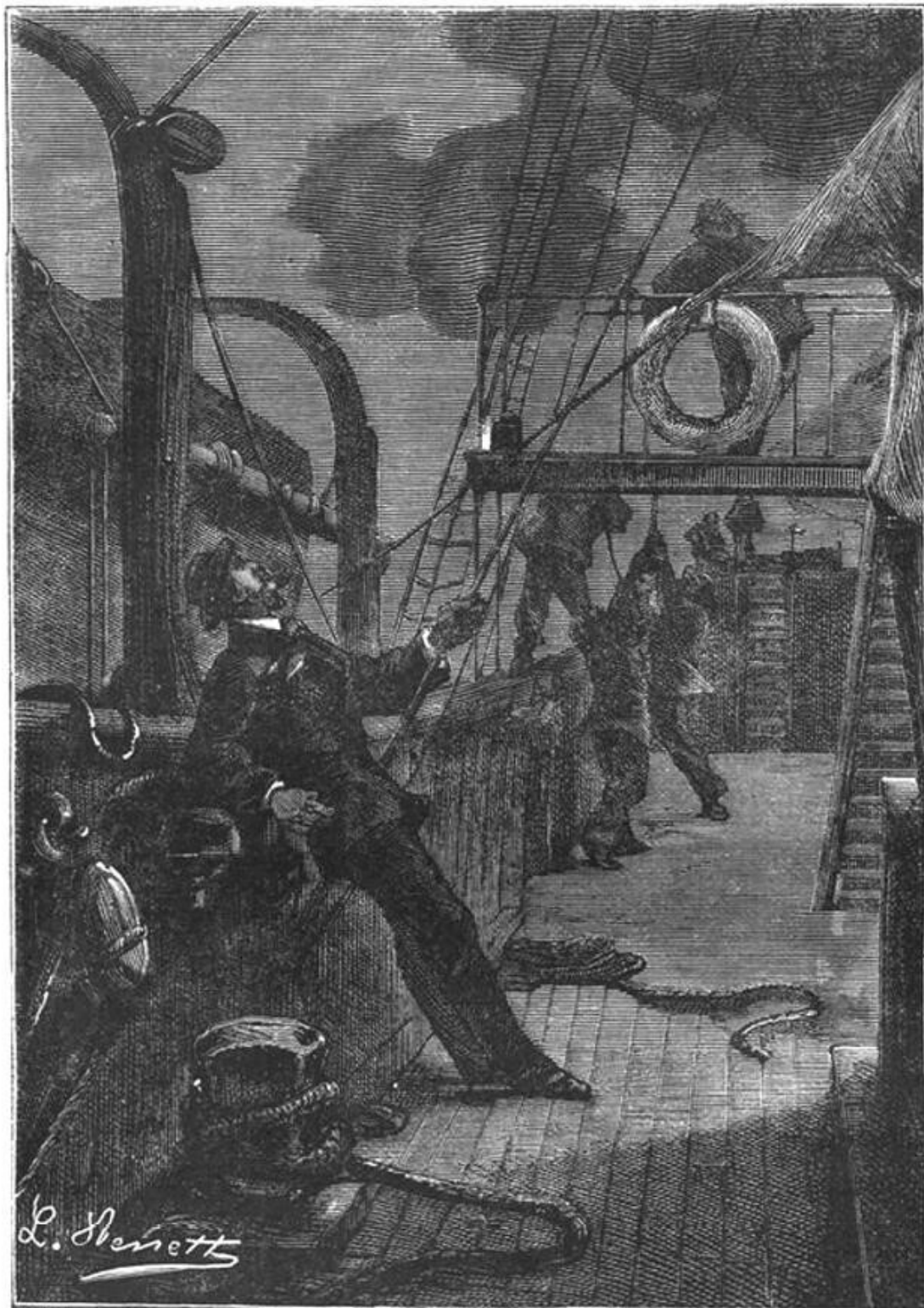
– Что вы этим хотите сказать?

– Я хочу сказать, что для безопасности судна пришлось изменить направление и постараться уйти от бури.

– Досадно, если мы из-за этого опоздаем, – сказал Годфри.

– Да, очень досадно, – ответил капитан Тюркот, – но днем, как только море немного стихнет, я снова поверну на запад. А сейчас советую вам, мистер Годфри, вернуться в каюту. Доверьтесь мне! Постарайтесь уснуть, пока нас качает на волнах. Так вам будет спокойнее.

Годфри в знак согласия кивнул головой и бросил тревожный взгляд на небо, по которому с удивительной быстротой мчались низкие тучи. Затем, покинув мостик, он вернулся в свою каюту и тотчас же погрузился в крепкий сон.

Подняв глаза на задернутую черным дымом трубу, он увидел, что дым отлетает не назад, а по ходу судна.

На следующее утро, 22 июня, ветер почти не ослаб, но «Дрим», как и обещал капитан Тюркот, пошел по прежнему направлению.

Это странное плавание – днем на запад, ночью на восток – длилось еще двое суток. Постепенно барометр стал проявлять тенденцию к повышению, и колебания стали не такими

резкими. Следовало ожидать, что непогода уйдет вместе с ветрами, повернувшими теперь на север.

Действительно, так и случилось.

Двадцать пятого июня около восьми часов утра, когда Годфри поднялся на палубу, легкий северо-восточный ветерок быстро прогонял по небу облака. Солнечные лучи, играя на стенах судна, отбрасывали огненные блики на всех выступах борта. Море, отсвечивавшее зеленью в глубине, искрилось на поверхности лучезарным светом. Еще не окончательно утихший ветер покрывал пеной гребни волн. Собственно говоря, это были не настоящие морские волны, а легкая морская зыбь, тихо качавшая пароход. Зыбь или волны, затишье или буря – для учителя танцев Тартелетта все было одинаково скверно. В полулежачем положении он примостился на палубе, открывая и закрывая рот, словно карп, вынутый из воды.

Помощник капитана, стоя на полуюте, глядел на северо-восток в подзорную трубу.

Годфри приблизился к нему.

– Ну что, – сказал он весело, – сегодня, пожалуй, лучше, чем вчера!

– Да, мистер Годфри, – ответил помощник, – море успокоилось.

– А «Дрим» уже взял свой курс?

– Нет еще.

– Нет еще? Но почему же?

– Потому что шквальный ветер отбросил его к северо-востоку, и теперь мы должны снова проложить курс. В полдень мы произведем наблюдения, и капитан даст нам указания.

– А где же он сам? – спросил Годфри.

– Капитана нет на борту.

– Нет на борту?

– Да... ему пришлось уехать. Когда небо прояснилось, наши вахтенные заметили на востоке буруны, не обозначенные у нас на карте. Чтобы узнать расположение рифов, капитан Тюркот приказал спустить шлюпку и вместе с боцманом и тремя матросами отправился на разведку.

– Давно это было?

– Часа полтора назад.

– Как жалко, что меня не предупредили! Я бы с удовольствием к ним присоединился!

– Вы еще спали, мистер Годфри, – сказал помощник, – и капитан не хотел вас будить.

– Досадно. Но скажите, в какую сторону отправилась шлюпка?

– Туда, – показал помощник капитана, – к северо-востоку от правого борта.

– А можно их разглядеть в подзорную трубу?

– Нет, они еще слишком далеко.

– Надеюсь, они скоро вернуться?

– Им нельзя медлить, – ответил помощник, – ведь капитан должен определить месторасположение корабля, а потому ему необходимо быть на борту до полудня.

Поговорив с помощником, Годфри уселся на краю полубака и велел принести морской бинокль. Ему хотелось увидеть возвращающуюся шлюпку. Что же касается морской разведки, предпринятой капитаном Тюркотом, то это его несколько не удивило. Конечно же, «Дрим» должен обойти подводные рифы, если они действительно окажутся таковыми.

Прошло два часа. Только в половине одиннадцатого на горизонте обозначился тонкий, как стрелка, дымок.

Очевидно, это и была паровая шлюпка с «Дрима».

Годфри, глядя в бинокль, не выпускал ее из поля зрения. Он видел, как шлюпка, словно вырастая на поверхности моря, постепенно принимала все более ясные очертания, как на светлом фоне неба все резче и резче выделялась струйка дыма, смешиваясь с облачками пара. Шлюпка быстро приближалась. Скоро ее уже можно было разглядеть невооруженным глазом,

а затем – различить белую струю воды у носа и длинную пенистую борозду за кормой, расширяющуюся, как хвост у кометы.

В четверть двенадцатого капитан Тюркот причалил и взошел на палубу «Дрима».

– Итак, капитан, какие новости? – спросил Годфри, пожимая ему руку.

– А, здравствуйте, мистер Годфри! Добрый день!

– Эти буруны действительно представляют опасность?

– Одна видимость! – ответил капитан. – Мы не обнаружили никаких рифов. Наши люди ошиблись. По правде говоря, я не очень в это поверил.

– Теперь, значит, нас уже ничто не задержит? – спросил Годфри.

– Да, теперь мы возьмем наш курс. Но прежде я должен определить координаты.

– Шлюпку можно поднять на борт? – спросил помощник.

– Нет, – ответил капитан, – она еще может понадобиться. Возьмите ее на буксир.

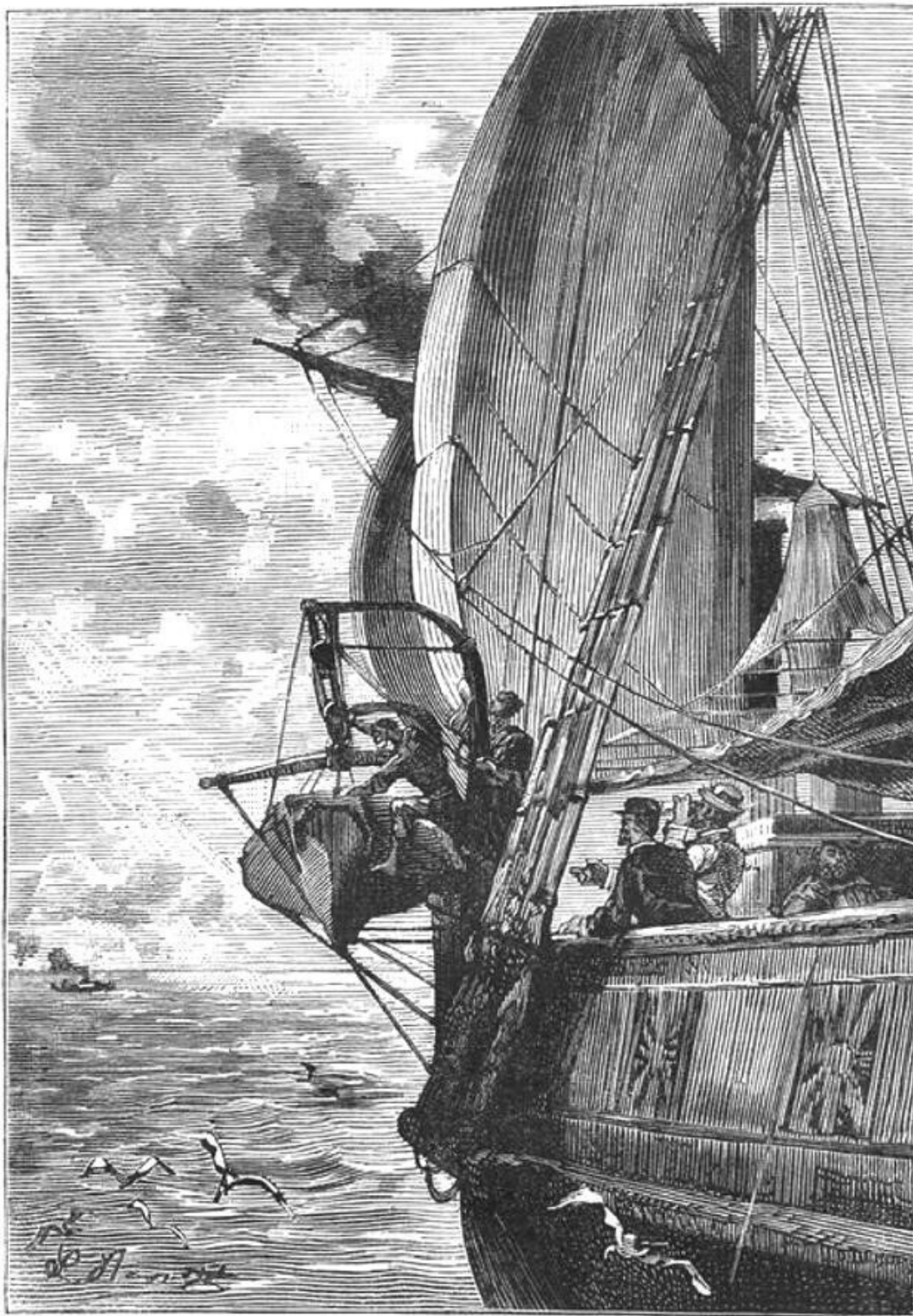
Приказание капитана было исполнено, и шлюпка привязана за кормой «Дрима».

Спустя сорок пять минут капитан Тюркот, с секстантом в руке, измерил высоту солнца и определил курс.

Покончив с этим делом и бросив последний взгляд на горизонт, он позвал своего помощника и увел к себе в каюту, где они довольно долго совещались.

День был прекрасный. «Дрим» мог идти своим ходом, не прибегая к помощи парусов. Ветер так ослабел, что при усиленной работе винта не смог бы их раздуть, а потому они были убраны.

Годфри блаженствовал. Плавание по тихому морю, под ясным небом вселяло в него столько бодрости, укрепляло душу и тело! Однако ничто не могло развеселить бедного Тартелетта. Хотя состояние моря и не внушало теперь непосредственных опасений, учитель танцев потерял уже всякую способность реагировать на погоду. Он заставил себя пообедать, не чувствуя ни вкуса, ни аппетита. Годфри хотел снять с него спасательный пояс, сдавливавший ему грудь, но Тартелетт решительно воспротивился. Разве не могло это соединение дерева и железа, называемое кораблем, треснуть в любую минуту?

Шлюпка быстро приближалась.

Наступил вечер. Туман нависал густой завесой, не достигая, однако, поверхности моря. Судя по этому признаку, ночь будет непроглядно темной.

Хорошо, что хоть рифов не оказалось поблизости! Ведь капитан Тюркот сверил их расположение по карте. Впрочем, столкновения возможны всегда, особенно в такие туманные ночи.

Вскоре после захода солнца были зажжены все фонари: белый – на верху фок-мачты, на вантах – справа – зеленый, слева – красный. Если бы столкновение и произошло, то, во

всяком случае, не по вине «Дрима» – утешение, впрочем, довольно слабое. Потонуть, даже при соблюдении всех морских правил, – все равно потонуть. Если кто-либо на «Дрима» приходил к такому заключению, то прежде всего, конечно, Тартелетт.

Однако этот достойный человек, перекатываясь от борта к борту и от носа к корме, добрался все-таки до своей каюты; между тем Годфри прошел в свою. Учитель танцев – по-прежнему с сомнением, а молодой человек с надеждой спокойно провести ночь, так как «Дрим» тихо покачивался на длинной волне.

Капитан Тюркот, передав вахту помощнику, тоже отправился к себе, чтобы отдохнуть несколько часов. Все было в порядке. Судно могло держать курс даже и при тумане, оставлявшем все же достаточную видимость. Похоже на то, что туман не собирался сгущаться. Никакая опасность не угрожала.

Годфри вскоре добрался до большой высокой скалы, где и нашел укрытие от приboя.

Через двадцать минут Годфри уже крепко спал, а мучимый бессонницей Тартелетт, в одежде и со спасательным поясом, издавал протяжные вздохи.

Вдруг, около часа ночи, Годфри проснулся от ужасных криков.

Вскочив с койки, молодой человек наскоро оделся и натянул сапоги. Но не успел он выскочить из каюты, как на палубе раздались вопли: «Мы тонем! Мы тонем!»

Годфри бросился наверх. В полуюте он наткнулся на бесформенную массу, в которой с трудом распознал Тартелетта.

Весь экипаж находился на палубе. Матросы мгновенно выполняли приказания капитана и помощника.

– Столкновение? – спросил Годфри.

– Не знаю... Ничего не знаю... Такой проклятый туман, – отвечал помощник. – Ясно только, что мы тонем...

– Тонем? – переспросил Годфри.

И действительно, «Дрим», очевидно наскочив на риф, медленно и неотвратно погружался.

Вода доходила уже до палубы и, без сомнения, залила уже топку и погасила огонь.

– Бросайтесь в море, мистер Годфри! – вскричал капитан. – Нельзя терять ни минуты! Корабль идет ко дну! Если вы будете медлить, вас затянет водоворот!

– А мой учитель?

– Я о нем позабочусь. Мы находимся всего в полукабельтове от берега.

– А вы, капитан?

– Мой долг – покинуть корабль последним, и я остаюсь! – сказал капитан. – Быстрее! Быстрее! Дорога каждая секунда!

Годфри несколько мгновений колебался, но вода уже стала заливать палубу.

Зная, что Годфри плавает как рыба, капитан схватил его за плечи и толкнул в море...

И как раз вовремя! Если бы не такая тьма, можно было бы увидеть, как возле «Дрима» разверзлась водяная бездна.

Океан был спокойный, и Годфри удалось в несколько взмахов отплыть от водяной воронки, которая втянула бы его в себя, подобно Мальстрему²⁰.

Все это произошло за какую-нибудь минуту.

Среди криков отчаяния гасли один за другим корабельные фонари.

Сомневаться не приходилось: «Дрим» пошел ко дну...

Годфри вскоре добрался до большой высокой скалы, где и нашел укрытие от прибоя.

Напрасно зывая из кромешной тьмы, не слыша никакого ответа, не зная, где он находится, на уединенной ли скале или на вершине какого-нибудь рифа, быть может, единственный уцелевший от кораблекрушения, молодой человек стал дожидаться наступления дня.

---

²⁰ Мальстрем – водоворот около берегов Норвегии.

Глава восьмая, в которой Годфри предается печальным размышлениям относительно мании путешествий

Прошло долгих три часа, прежде чем на горизонте появилось солнце. В подобных обстоятельствах часы ожидания могут показаться вечностью.

Для начала испытание было слишком суровым. Но ведь Годфри пустился в море не ради увеселительной прогулки! Отправляясь в путешествие, он прекрасно сознавал, что счастливая, спокойная жизнь остается позади и не следует ждать ничего хорошего, когда приходится преодолевать всевозможные трудности, встречающиеся на пути. Но что бы ни случилось, путешественник не должен терять мужества!

Пока что он находился в полной безопасности. Волны не достанут его на этой скале, омываемой морским прибоем. А во время прилива? «Нет, – рассудил Годфри, – кораблекрушение произошло при новолунии, когда вода достигает высшего уровня. Значит, волны меня не коснутся...»

А каково положение этой скалы? Была ли она уединенной или возвышалась над цепью рифов? Что это за берег, который капитан Тюркот разглядел во тьме? Какому он мог принадлежать материку? Очевидно, во время бури, не утихавшей несколько дней, «Дрим» был отброшен со своего пути, а взять прежний курс не удалось. Конечно, так оно и было, иначе капитан Тюркот не стал бы утверждать, что в этом месте на его карте не обозначено никаких рифов. И говорил он это не далее, как два-три часа назад. Кроме того, он же сам ездил на разведку, чтобы проверить утверждение вахтенных, будто бы заметивших на востоке буруны...

Теперь-то уж было совершенно ясно, что, если бы капитан Тюркот еще немного продолжил свою разведку, не случилось бы катастрофы. Но зачем возвращаться к прошлому? Чему быть, того не миновать!

Для Годфри сейчас самое важное – это вопрос жизни и смерти – выяснить, нет ли поблизости какой-нибудь земли. В какой части Тихого океана он очутился, можно будет поразмыслить потом. Как только наступит день, он должен во что бы то ни стало покинуть эту скалу, чья плоская вершина имела не более двадцати шагов в длину и ширину. Но как ее покинуть, если не окажется поблизости ни островка, ни земли? Вполне возможно, что капитана ввел в заблуждение туман, и Годфри ничего вокруг себя не увидит, кроме беспредельного моря...

Увы, он ничего не видел. Не доносилось никаких запахов, которые свидетельствовали бы о близости земли! Уши не улавливали никаких характерных звуков. Ни одна птица не рассекала крыльями темноту. Вокруг ничего не было, кроме водяной пустыни...

Годфри прекрасно сознавал, что на спасение у него один шанс из тысячи, и дело теперь шло не о том, чтобы продолжить кругосветное путешествие, а чтобы без страха глянуть в лицо смерти. Единственное, что от него зависело, – терпеливо ждать наступления дня, а затем покориться судьбе, если спасение окажется невозможным, либо решиться на все, если представится этот единственный шанс из тысячи.

Рассуждая таким образом, он немного успокоился и в задумчивости сел на скалу. Держась наготове, чтобы можно было в любую минуту пуститься вплавь, он снял с себя вымокшую шерстяную куртку и отяжелевшие от воды сапоги.

Но неужели не спасся, кроме него, ни один человек? Неужели никто из экипажа «Дрима» не сможет добраться до земли? Страшно подумать, что всех могло затянуть в водоворот, который образуется на поверхности вокруг тонущего корабля! Последний, с кем говорил Годфри, был капитан Тюркот. Отважный моряк решил покинуть судно последним. Он же предусмотрительно толкнул Годфри за борт, когда палуба начала погружаться...

А как же все остальные: несчастный Тартелетт, на которого Годффри наткнулся, взбегая на палубу, бедный китаец, забившийся в трюм? Что с ними случилось? Неужели только ему одному удалось спастись? Но ведь на буксире была шлюпка! Не мог ли кто-нибудь из команды воспользоваться ею и покинуть тонущий корабль? Нет, скорее всего, и ее затянуло водоворотом и теперь она покоится на дне, на глубине двух или трех десятков морских саженей.

Годффри подумал, что если в этой непроглядной тьме ничего нельзя увидеть, то слышать можно не хуже, чем днем. Ничто не мешало ему среди этой тишины кричать, звать на помощь. Быть может, на его зов откликнется кто-нибудь из спутников?

И вот он стал изо всех сил кричать, чтобы быть услышанным на большом расстоянии.

Напрасно. Никто не отвечал.

Он звал на помощь, повторяя призывы по нескольку раз, поворачиваясь во все стороны. Полное молчание.

– Один, я совсем один, – в отчаянии шептал юноша.

Никакого ответа. Даже эхо не вторило его крику. Будь поблизости утесы, скалы или высокие берега, его крики, отраженные препятствием, возвратились бы назад. И так, либо берег на востоке от скалы был так низок, что не мог отражать звуков, либо, что более вероятно, никакой земли поблизости не было. В таком случае риф, на котором нашел убежище Годффри, расположен в море уединенно.

Вот так и прошли три долгих часа. Продрогший от холода, Годффри ходил взад и вперед по вершине скалы, стараясь согреться. Наконец, облака в зените слегка посветлели. Это было отражение первых лучей солнца.

Повернувшись в ту сторону, где могла находиться земля, Годффри пытался разглядеть, не выступит ли из темноты силуэт какого-нибудь утеса. Поднимающееся солнце должно было резко обозначить его контуры.

Но заря еще только занималась, и ничего нельзя было разглядеть. Море было окутано легким туманом, который не давал различить очертаний прибрежных скал – если, разумеется, поблизости был берег и возле берега рифы.

Да и не стоило вдаваться в иллюзии. Скорее всего, буря выбросила Годффри на уединенную скалу где-то в Тихом океане. А раз так, то его ожидает скорая смерть, смерть от голода, от жажды, или, захоти он этого, смерть в морской пучине, которая будет его последним прибежищем.

Но юноша все еще всматривался вдаль, сосредоточив в своем пристальном взгляде всю силу воли и всю свою еще не погасшую надежду.

Но вот утренний туман стал мало-помалу рассеиваться. Перед глазами Годффри постепенно начали вырисовываться камни и рифы, окружавшие его скалу, точно морские звери. Это было скопление глыб странной формы и всевозможных размеров, обращенных к западу и к востоку. Огромный утес, на вершине которого находился Годффри, выступал к западу от гряды коралловых рифов, приблизительно в тридцати морских саженях от того места, где потерпел кораблекрушение «Дрим». Море там было, по всей вероятности, очень глубоко, так как от парохода не осталось и следов. Не видно было даже верхушек мачт. Впрочем, подводные течения могли отнести корабль в другую часть моря.

Одного взгляда достаточно было Годффри, чтобы понять все. Ждать спасения с этой стороны было бесполезно. Все его внимание вскоре обратилось на полосу бурунов, постепенно выступивших из тумана. Надо заметить еще, что уровень моря был сравнительно низок, и благодаря отливу над поверхностью проступали многочисленные скалы, разделенные то обширными водяными пространствами, то маленькими проливами. Если бы они примыкали к какому-нибудь берегу, добраться до него не составило бы никакого труда.

Однако ничего похожего на берег нельзя было различить. Никаких признаков, указывающих на близость земли!

Туман между тем все больше рассеивался, расширяя поле зрения Годфри. Теперь он мог уже видеть на расстоянии полумили. Среди скал блестели песчаные отмели, покрытые водорослями. Это было несомненным признаком побережья. Значит, поблизости должен находиться либо материк, либо остров.

Действительно, восточная часть горизонта вскоре открыла взору ряд низких дюн, усеянных гранитными глыбами. Солнце выпило уже все утренние испарения, и его огненный диск медленно выплывал из воды.

– Земля! Земля! – закричал Годфри.

И, протянув к ней руки, юноша, охваченный неожиданным счастьем, опустился на колени.

И в самом деле, это была земля. Рифы образовывали в этом месте выступ наподобие южного мыса бухты не менее двух миль в окружности. Поверхность его представляла плоскую отмель, окаймленную маленькими дюнами, поросшими невысокой травой. Видно было, как она колыхалась от ветра.

С места, где он стоял, Годфри мог охватить взглядом все побережье.

Ограниченное с севера и с юга неровными выступами, оно было не длиннее пяти-шести миль и, конечно, могло составлять часть какой-нибудь большой земли. Так или иначе, потерпевший кораблекрушение найдет здесь хотя бы временное прибежище.

Годфри вздохнул с облегчением. Скала, на которой он очутился, не была уединенной!

– К земле! К земле! – подбадривал он себя и прежде, чем покинуть утес, еще раз осмотрелся, окинув взглядом беспредельное море. Не заметит ли он каких-нибудь обломков кораблекрушения, следов «Дрима», кого-нибудь из оставшихся в живых?

Ничего...

Не видно было и шлюпки. Без сомнения, и ее постигла общая участь.

И тут Годфри подумал, что кто-нибудь из его спутников мог, так же, как и он, спастись на одном из рифов и сейчас тоже ожидает наступления дня, чтобы попытаться доплыть до берега.

Но никого не было видно ни на скалах, ни на отмели. Рифы были так же пустынно, как и океан!

Но, если нет живых людей, может быть, море выбросило трупы? А что, если там, среди рифов, покоятся останки кого-нибудь из его спутников?

Нет, ни на одной из скал, отчетливо выступавших из воды после отлива, никого не было – ни живого, ни мертвого.

Итак, Годфри остался в одиночестве! В борьбе с угрожавшими ему опасностями он мог надеяться только на самого себя.

К чести Годфри нужно признаться, что он не пал духом. Прежде всего нужно было достичь земли, от которой его отделяло сравнительно небольшое пространство. Не долго думая, он спустился с утеса и поплыл к ближайшему рифу.

Когда расстояние между скалами было незначительным, он перепрыгивал или переходил вброд, а когда увеличивалось – снова бросался в воду. Переход по этим скользким камням, покрытым цепкими водорослями, был труден и долог. В таких условиях нужно было одолеть около четверти мили!

И вот наконец ловкий, проворный юноша ступил на землю, где его, может быть, ждала если не скорая смерть, то жалкое прозябание, могущее оказаться хуже смерти: голод, жажда и холод, всевозможные лишения и различные опасности. Ни ружья, чтобы подстрелить дичь, ни теплой одежды – вот в каком жалком положении он теперь находился.

Безрассудный человек! Ты хотел убедиться, способен ли противостоять трудностям! Что ж! Теперь ты сможешь проверить свои силы! Ты завидовал Робинзону? Теперь ты узнаешь, завидна ли его участь!

Вспомнилась счастливая жизнь в Сан-Франциско среди благополучной и любящей семьи, которую он покинул ради приключений, дядя Виль, невеста Фина, друзья... Несомненно, никого из них он больше никогда не увидит. При этой мысли сердце у него сжалось и, вопреки заранее принятому решению держаться стойко, на глаза навернулись слезы.

Если бы не одиночество, если бы кому-нибудь из потерпевших крушение тоже удалось добраться до этого берега! Пусть это будет не капитан Тюркот или его помощник, а любой из матросов, пусть даже учитель танцев Тартелетт! Правда, этот легкомысленный человек при сложившихся обстоятельствах был бы ему слабой опорой. Все равно! Только не быть одному! Если бы нашелся человек, который разделит бы с ним одиночество, будущее показалось бы ему не таким грозным.

Он хотел надеяться до последней минуты. Правда, на прибрежных скалах никого не оказалось, но, может быть, он кого-нибудь встретит, когда достигнет песчаной косы? Не исключена же возможность, что кто-нибудь добрался до берега и теперь тоже разыскивает товарищей по несчастью?

Годфри еще раз обвел взглядом местность к северу и к югу. Никого. По крайней мере, этот участок земли был необитаем – ни хижины, ни поднимающегося к небу дымка.

– Вперед! Вперед! – подбадривал себя Годфри.

И он зашагал по отмели в северном направлении, решив сначала подняться на песчаный холм, откуда открывалось более широкое пространство.

Полное безмолвие. На песке никаких следов. Только морские птицы – чайки и поморники – резвились среди скал, единственные живые существа в этой пустыне.

Годфри шел около четверти часа и уже начал подниматься на самый высокий склон, поросший тростником и низким кустарником, как вдруг неожиданно остановился.

В пятидесяти шагах от него, среди прибрежных рифов, лежала бесформенная вздувшаяся масса, точно труп какого-нибудь морского животного, выброшенного последней бурей.

Годфри бросился туда.

С каждым шагом сердце у него билось все сильнее. В бесформенной массе, принятой им за останки какого-то зверя, он стал различать человеческие черты.

В десяти шагах от цели Годфри остановился как вкопанный и закричал:

– Тартелетт!

Да, действительно, это был учитель танцев и изящных манер.

Годфри бросился к своему спутнику.

Через минуту он увидел, что надутый до предела спасательный пояс и делал Тартелетта похожим на морское чудовище. Учитель танцев лежал неподвижно. Но, может быть, он еще жив? Спасательный пояс должен был удержать его на волнах, а прилив – прибить к берегу...

Переход по этим скользким камням, покрытым цепкими водорослями, был труден и долг.

Годфри принялся за дело. Став на колени перед Тартелеттом, он расстегнул спасательное снаряжение и с силой стал растирать бесчувственное тело. Наконец, приоткрытые губы слегка зашевелились... Юноша приложил руку к его сердцу... Оно еще билось!

Годфри окликнул его.

Тартелетт покачал головой, потом издал хриплый звук, за которым последовало несколько бессвязных слов.

Годфри схватил его за плечи и сильно потряс.

Тартелетт открыл глаза и провел левой рукой по лбу. Потом приподнял правую, чтобы убедиться, на месте ли его карманная скрипка и смычок.

– Тартелетт! Милый мой Тартелетт! – закричал Годфри, поддерживая голову учителя.

Голова с остатками всклокоченных волос едва заметно кивнула в знак одобрения.

– Это я... Я... Годфри!

– Годфри? – переспросил Тартелетт.

Потом он оглянулся, поднялся на колени, поглядел вокруг, улыбнулся и встал во весь рост... Наконец-то он почувствовал под собой надежную точку опоры! Теперь он понял, что уже нечего бояться качки: под ногами не уходящая палуба, а верная, твердая земля...

И тут учитель танцев вмиг обрел свой былой апломб, утраченный им со дня отъезда. Ноги его сами приняли правильную позицию, левая рука схватила карманную скрипку, правая взялась за смычок. Протяжный, меланхолический звук сорвался со струн, и Тартелетт произнес, улыбаясь:

– В позицию, сударыня!

Добряк думал о Фине.

Да, действительно, это был учитель танцев и изящных манер.

Глава девятая, в которой доказывается, что не все прекрасно в профессии робинзона

Тут учитель и ученик бросились друг другу в объятия.

– Дорогой Годфри! – вскричал Тартелетт.

– Милый Тартелетт! – ответил Годфри.

– Наконец-то мы прибились к порту, – воскликнул учитель танцев тоном человека, пресыщенного плаванием и приключениями.

– Снимите же, наконец, ваш спасательный пояс, – посоветовал юноша. – Эта махина душит вас и мешает двигаться.

– А вы думаете, что теперь я действительно могу его снять? – спросил Тартелетт.

– Вне всякого сомнения. Затем положите вашу скрипку в футляр и отправимся на разведку.

– Не возражаю, – ответил учитель танцев. – Но прежде всего, прошу вас, зайдите в первый попавшийся ресторан. Я умираю от голода. Десяток бутербродов и два-три стаканчика вина сразу поставят меня на ноги.

– Согласен... Зайдем в первый попавшийся... А если нам там не понравится, пойдем в другой...

– Затем, – невозмутимо продолжал Тартелетт, – спросим у кого-нибудь из прохожих, где здесь поблизости находится телеграф. Необходимо послать депешу вашему дяде Кольдерупу. Надеюсь, что этот превосходный человек не откажется выслать нам денег на обратный путь. Ведь у меня нет ни цента...

– Договорились! Зайдем в первую же телеграфную контору, а если ее поблизости не окажется, то на ближайшую почту. Итак, в дорогу, Тартелетт!

Наконец-то Тартелетт освободился от спасательного пояса, повесил его через плечо, как охотничий рог, и оба путешественника пустились в путь по направлению к окаймлявшим берег дюнам.

Встреча с Тартелеттом придала Годфри некоторую бодрость. Теперь юношу больше всего интересовало, не уцелел ли еще кто-нибудь с «Дрима».

Четверть часа спустя наши исследователи поднимались на дюну высотой от шестидесяти до восьмидесяти футов и уже почти достигли ее вершины. Отсюда открывалась панорама всего восточного берега, ранее скрытого от глаз неровностями почвы.

В двух или трех милях от них возвышалась вторая гряда холмов, замыкавшая линию горизонта.

К северу берег заканчивался выступом, но трудно было утверждать, соединен ли он с каким-нибудь невидимым отсюда мысом. В южной части побережье пересекала глубокая впадина, а дальше расстилался океан. Итак, можно было сделать вывод, что если эта земля оказалась бы полуостровом на побережье Тихого океана, то перешеек, соединяющий ее с другой частью суши, мог находиться на севере или на юго-востоке.

Что бы там ни было, значит земля эта – не бесплодная пустыня, а обширная зеленая долина со светлыми извилистыми ручьями, покрытая густым высоким лесом. Деревья спускались вниз по холмам, как по ступеням. Поистине великолепный пейзаж!

Однако нигде не видно было домов, образующих городок, деревню или поселок. Никаких сельскохозяйственных построек, ни фермы, ни мызы. Из-за деревьев не поднимался дым, по которому легко было бы найти скрытую в чаще хижину. За деревьями не проглядывали ни

купол колокольни, ни построенная на возвышенности ветряная мельница. Не видно было не только хижины, но даже шалаша или вигвама. Ничего! Нигде!

Если в этих неизвестных краях и жили человеческие существа, то только под землей, подобно троглодитам. Нигде глаз не различал ни проложенной дороги, ни дорожки, ни тропинки. Казалось, человеческая нога никогда не топтала ни камешков на этой отмели, ни травинки в этих прериях.

– Никак не пойму, где же находится город, – заметил Тартелетт, вытягиваясь на носках.

– Похоже на то, что в этой местности его и нет, – невозмутимо ответил Годфри.

– Ну а деревня?

– Тоже нет.

– Где же мы находимся?

– Спросите что-нибудь полегче.

– Как! Вы не знаете? Но скажите, Годфри, ведь мы это скоро узнаем?

– Но от кого?

– Что же с нами будет? – вскричал Тартелетт, простирая руки к небу.

– Должно быть, мы станем робинзонами.

При этих словах учитель танцев сделал такой прыжок, какому позавидовал бы любой клоун.

Робинзонами! Они станут робинзонами! Потомками того Селкирка, который долгие годы провел на острове Хуан-Фернандес! Подражателями воображаемых героев Даниэля Дефо и Висса, приключениями которых они так увлекались! Жить вдаль от родных и друзей, за тысячи миль от себе подобных! Влечить жалкое существование в постоянной борьбе с хищниками, быть может даже с дикарями, если им вздумается сюда забрести! Не иметь никаких средств к жизни, даже самых необходимых орудий, ни одежды, ни оружия! Страдать от голода и жажды, быть предоставленными самим себе! Нет! Это невозможно!

– Не говорите мне, Годфри, таких ужасных вещей, – вскричал Тартелетт. – Не шутите так жестоко! Одно представление о подобной жизни способно меня убить! Ведь вы пошутили, не так ли?

Казалось, человеческая нога никогда не топтала ни камешков на этой отмели, ни травинки в этих прериях.

– Да, милый Тартелетт, – ответил Годфри. – Успокойтесь, я пошутил! Но пока что подумаем о ночлеге.

Действительно, прежде всего нужно было найти какое-нибудь убежище – пещеру или грот, чтобы там провести ночь. Затем следовало позаботиться о пище: поискать каких-нибудь съедобных раковин, чтобы утолить голод.

Итак, Годфри и Тартелетт стали спускаться по склону дюн, в сторону рифов: Годфри – возбужденный этими поисками, Тартелетт – растерянный и недоумевающий, вне себя от ужасов, начавшихся задолго до кораблекрушения. Первый внимательно смотрел и вперед, и назад, и по сторонам, второй – неспособен был ясно видеть и в десяти шагах.

Годфри занимала одна мысль: «Если здесь нет людей, то, может быть, есть по крайней мере животные?»

Он, конечно, думал о лесной дичи, а не о диких или хищных зверях, которыми изобилует тропическая зона. С этими он не знал бы, что и делать.

Но ответить на этот вопрос помогут дальнейшие поиски.

Как бы то ни было, стаи птиц кружили над побережьем: выпи, водяные утки, кулики носились взад и вперед, оглашая воздух своими криками, словно протестуя против вторжения человека в их птичье царство.

Годфри тут же смекнул, что можно будет воспользоваться их яйцами. Раз эти птицы собирались большими стаями, значит в соседних скалах есть множество расщелин, где они гнездятся. Кроме того, Годфри различил вдалеке несколько цапель и бекасов, что указывало на близость болота.

Итак, в пернатых здесь не было недостатка. Трудность заключалась в том, как их поймать, не имея оружия. Но пока можно было довольствоваться яйцами в сыром или печеном виде. Впрочем, надо их еще найти, а если испечь, то как достать огня? Все эти важные вопросы с ходу решить было невозможно.

Годфри и Тартелетт спустились к рифам, над которыми кружились стаи морских птиц.

Здесь их ожидала приятная неожиданность: среди диких птиц, бегавших по песку или рывшихся в морских водорослях, выброшенных прибоем, оказалось около дюжины кур и два-три петуха американской породы. Нет, это был не обман зрения. Петухи оглашали воздух бодрым «ку-ка-ре-ку».

И еще один сюрприз: среди скал виднелись какие-то четвероногие животные. Они взобрались на дюны, где их, должно быть, привлекали зеленеющие кусты. Нет, Годфри не ошибся! Это были агути, числом не менее дюжины, пять или шесть баранов и столько же коз, которые преспокойно щипали траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.